

УДК 94 (470)

ВЯТИЧИ: ВОПРОСЫ РАССЕЛЕНИЯ, ЭТНОГЕНЕЗА, ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

А.А. Майоров

Орловский государственный институт культуры
Россия, 302020, Орловская область, г. Орел, ул. Лескова, 15
e-mail: aamajorov@rambler.ru
SPIN-код: 7776-1436

Авторское резюме

Отдельные аспекты этногенеза и политической истории вятичского этнополитического объединения до настоящего времени не получили достойного отражения в исторической науке. До настоящего времени нет единства взглядов в вопросе определения места исхода и причин начала славянской колонизации территории бассейна Верхней Оки. Не решен вопрос о реальных взаимоотношениях Земли вятичей как единого этнополитического еномена с её крупными соседями-современниками, её месте на политической карте Восточной Европы. Настоящая статья посвящена, наряду с другими аспектами, поиску решений такого рода задач. Кроме того, в ней рассматривается проблема религиозных воззрений вятичей и предлагается периодизация истории вятичей с VIII по XIII вв.

Ключевые слова: вятичи, славянская колонизация, этногенез, политическая история, маршруты торговли и переселения, отдельные группировки, миграции, периодизация, присоединение к Руси.

VYATICHI: SOME ASPECTS OF THEIR SETTLEMENT, ETHNOGENESIS, PERIODIZATION, AND POLITICAL HISTORY

Anatoly Mayorov

Orel State Institute of Culture
15 The Ulitsa Leskova, Oryol, Oryol Oblast, 302020, Russia
e-mail: aamajorov@rambler.ru

Abstract

Certain aspects of the ethnogenesis and political history of the Vyatich ethnopolitical alliance have so far not been adequately described in historical science. Up to now there is no consensus in the scientific community on the origins of exodus and reasons for the beginning of Slavic colonization of the Upper Oka basin. No answer is presented to the question of the real relationship of the Vyatich tribes as an ethnopolitical unity with their major neighbors-coevals, as well as what their place was on the political map of Eastern Europe. The present article attempts to find solutions to these questions, along with some other problems. The author also discusses the Vyatich religious beliefs and proposes a periodization of the history of the Vyatichi from the 8th to the 13th centuries.

Keywords: Vyatichi, Slavic colonization, ethnogenesis, political history, trade and resettlement routes, separate groups, migrations, periodization, joining the Rus' state.

* * *

Историографический обзор

Вятичская проблематика представляет собой один из сложных, многогранных, противоречивых и, по мнению автора настоящей статьи, недооцененных аспектов отечественной истории. Долгое время она, вследствие ряда объективных и субъективных причин, находилась на периферии интересов исторической науки.

Отечественная историческая наука с момента своего зарождения в XVIII в. и фактически до начала XX в. весьма небольшое внимание уделяла вопросам возникновения и существования отдельных восточнославянских общностей, хронологически предшествовавших возникновению Древнерусского государства. Обусловлено это было двумя банальными причинами: малым количеством письменных сообщений вкупе с их малой информативностью, а также весьма четкой и акцентированной тенденциозностью монастырских летописцев в отношении языческого прошлого и, уж тем более, языческого настоящего территорий, относимых к землям, подчиненным Руси (реально или формально). А потому, несмотря на многочисленные попытки полного и объективного исторического исследования различных аспектов древнерусской жизни в её докиевском варианте, долгое время их можно было разделить на две категории: некритического изложения летописного повествования и (начиная со второй половины XIX в.) легкого критического анализа летописного нарратива.

Следует отметить, что упоминания о вятичах присутствуют в работах М.В.Ломоносова, В.Н.Татищева, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, Д.И.Иловайского, А.Л.Погодина, П.В.Голубовского, В.О.Ключевского, многих других звезд русской исторической науки. Упоминания эти базировались на нескольких летописных сообщениях, воспринятых и проанализированных, даже крупными учеными, в целом, малокритично. Обусловлено это было, по всей видимости, российскими монархическими традициями, нацеленными на защиту православия и самодержавия как формы монархического мироустройства. Традиции эти порождали интеллектуальные тенденции, а тенденции влияли на мировоззрение и мировосприятие даже выдающихся историков.

В то же время, помимо буквального цитирования и толкования, имелись и весьма продуктивные примеры анализа имевшейся информационной базы. В частности, следует упомянуть попытки установления мест прохождения границ, ограничивавших пределы территорий, контролировавшихся вятичами. Весьма продуктивными в этом отношении были изыскания одного из основоположников русской исторической географии Н.П.Барсова (Барсов 1865; 1885). На него же ссылался в своих исследованиях истории северов (северян) П.В.Голубовский (Голубовский 1881). А.А.Шахматов и М.К.Любавский подкорректировали выводы Н.П.Барсова о южной границе вятичского ареала, поместив их в междуречье Оки и Сейма (Шахматов 1919; Любавский 2000).

В советский период прежние “толкования тестов” получили серьёзную информационную подпитку, в результате чего появились новые исследования, позволившие несколько иначе взглянуть на ряд хорошо известных фактов. Это стало следствием активного развития ученой археологии, давшей в руки историкам новые, ранее неизвестные факты и материалы. Работой А.В.Арциховского “Курганы вятичей” в научный оборот было введено, систематизировано и прошло датировку огромное количество археологических находок, имеющих прямое отношение к рассматриваемой группировке восточных славян (Арциховский 1930). Именно им были выявлены и перечислены признаки, до настоящего времени являющиеся определяющими для отнесения обнаруженных артефактов к вятичскому этнокультурному ареалу. Была отмечена преемственность в различных способах практиковавшихся погребальных обрядов, установлены границы поселений и погребений, атрибутированных А.В.Арциховским в качестве вятичских (в целом совпавших с выкладками Н.П.Барсова и замечаниями А.А.Шахматова и М.К.Любавского).

До настоящего времени обязательной для историка, занимающегося изучением догосударственной русской истории, является монография П.Н.Третьякова «Восточнославянские племена» (Третьяков 1953). Её автор не только дал описание основных этнических группировок восточных славян, но и указал на наличие на территории бассейна Верхней Оки дославянских мощинских городищ.

Чрезвычайно продуктивная работа Верхнеокской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Т.Н.Никольской в 1960-80-х гг. стала важнейшим этапом в изучении материальной культуры и истории вятичей. Найденные в ходе раскопок городищ и селищ мастерские, плавильные печи, литейные формы, бытовые, хозяйственные и ювелирные изделия, предметы вооружения, конская сбруя и прочий богатый инвентарь дал представление о высоком уровне развития материальной культуры, наличии оживленных и дальних торговых связей с различными территориями. Итоговая работа Т.Н. Никольской «Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.» до настоящего времени является наиболее полным и информативным трудом, посвященном вятичской материальной и духовной культуре (Никольская 1981).

Обязательными к упоминанию представляются работы академиков Б.Д.Грекова и Б.А.Рыбакова, посвященные истории древних славян и Древней Руси (Греков 1949; Рыбаков 1982). Исследования Б.А.Рыбакова, весьма широкие тематически и опирающиеся на многочисленные материальные свидетельства, вследствие глубокой патриотичности самого академика, убежденного в древности и суточной автохтонности славян и возводившего их к скифам и трипольцам, до настоящего времени не утратили своей значимости, но должны современным историком быть восприняты, по мнению автора настоящей работы, прежде всего, как источник конкретных сведений о конкретных находках. Вятичское племенное княжение описывалось Б.А.Рыбаковым, по сути, в качестве раннегосударственного образования со всеми его атрибутами.

Весьма информативны и крайне полезны исследования А.В.Григорьева, посвященные роменско-боршевской археологической культуре и северскому (северянскому) материальному и культурному наследию (Григорьев 2005; 2011; 2012). В них, наряду с прочим, содержится большой объем фактической информации о материальной культуре и ходе исторических процессов на землях бассейнов Верхней Оки, Верхнего Дона, Сейма, Десны и т.д. Нельзя не упомянуть и работы Е.А.Шинакова, помимо исследования материальной культуры восточных славян, глубоко затрагивающие вопросы древнерусского политогенеза, с рассмотрением его, в том числе, и касательно вятичей, радимичей и северов (северян) (Шинаков 2009).

Приведенный выше обзор ни в коем случае не является полноценным историографическим исследованием и не претендует на исчерпывающий характер. Вне его осталось несколько десятков серьезных исследований, посвященных отдельным, порой очень важным, аспектам, имеющим отношение к заявленной тематике. В то же время, обязательность знакомства с работами перечисленных исследователей заставляет прибегнуть к их перечислению и упоминанию, ибо лишь «опираясь на плечи этих титанов» можно попытаться сложить картину, максимально приближенную к истинной.

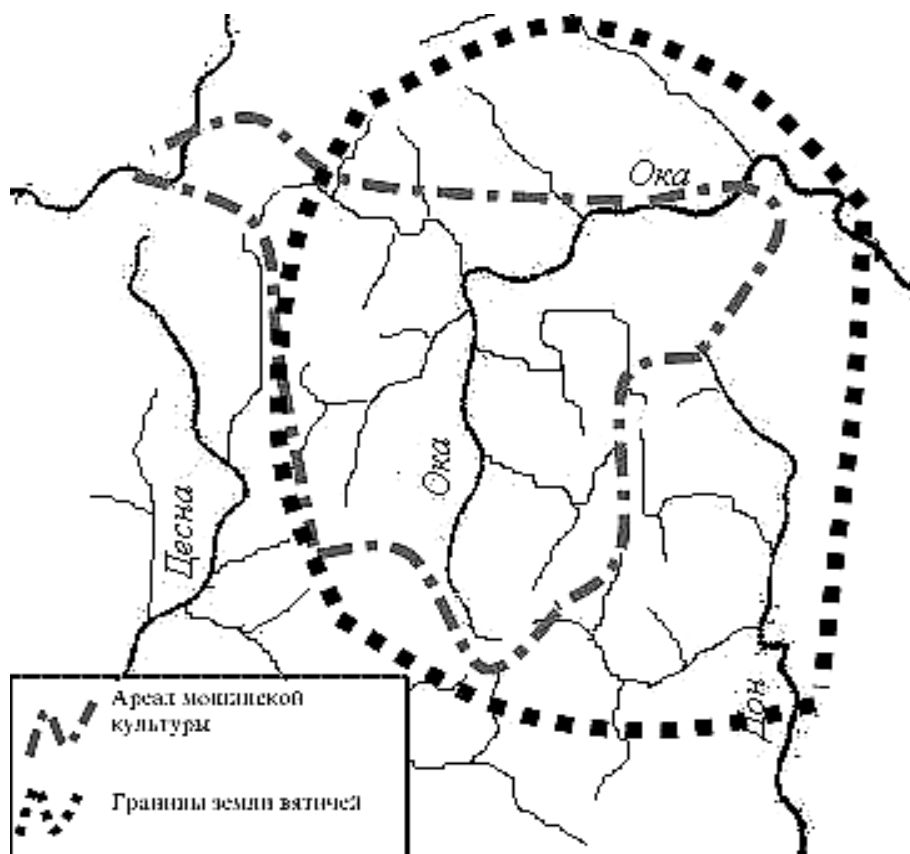
Излагаемая далее версия вятичской истории является, во многом, авторской и не претендует на полную и абсолютную истину. В то же время, она опирается на большой и весомый пласт исследований множества ученых и её изложение не должно вступать в критическое противоречие с ранее известными достоверными фактами. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно развернуть всю систему аргументации, а потому заинтересованный читатель приглашается к рассмотрению ранее вышедших публикаций автора.

К вопросу об этнических компонентах этногенеза вятичей

Как известно, при формировании различных восточнославянских этнических групп немалое значение сыграл, наряду с другими факторами, аборигенный этнический субстрат, в разной степени влиявший как на антропологические, так и на культурный и, порой, даже их лингвистические особенности. Славянам на рассматриваемой территории (бассейн Верхней Оки и прилегающие к нему земли) предшествовал этнос (этносы), соотносимый современной исторической наукой с мощинской археологической культурой. Задача выявления масштабов и силы влияния их этнических особенностей (антропологических, лингвистических, религиозных, культурных и т.д.) представляется собой незаурядную исследовательскую задачу.

Мощинская археологическая культура считается последним неславянским предшественником вятичей на территории бассейна Верхней Оки. Географические границы распространения этой культуры и более позднего вятичского ареала во многом совпадают, как, впрочем, и ряда более древних археологических проявлений. Для выяснения вопросов возможности существования культурно-

генетической преемственности предшествующего и последующего этносов, населявших верхнеокские земли, необходимо обнаружить признаки, подтверждающие либо опровергающие подобное предположение. В зависимости от полученных ответов может быть несколько по-разному решен вопрос генезиса вятичей как этно-географического и социально-политического образования.

До настоящего времени исторической наукой не выработана единая точка зрения на место ранних вятичей по отношению к территориально и хронологически предшествующей им мошинской археологической культуре. В качестве основной долгое время выступала точка зрения, утверждавшая, что временной разрыв между роменской (боршевской) культурой вятичей и мошинской (по всей видимости, балтской) составлял не менее двух-трех столетий, а потому постановка вопроса о какой-либо преемственности представлялась необоснованной и ненаучной. Одним из крупнейших современных специалистов по этой археологической культуре Г.А.Массалитиной был вполне доказательно обоснован «тезис об отсутствии генетической преемственности между мошинской культурой и памятниками боршевского типа. К этому склоняет выявление ошибочности оснований для такого вывода и наличие более чем 300-летнего разрыва между древностями обеих культур» (Массалитина 1994: 17).

До недавнего времени почти доказанным считалось, что время существования мошинской археологической культуры в верховьях Оки было ограничено II-V вв., а

потому она не может быть никак связана с роменско-боршевской культурой вятичей. Хронологический разрыв между ними полагался непреодолимым. Особенно говорящим был ярко выраженный разрыв между археологическими находками мощинской культуры и первыми славянскими артефактами: развитое производство железа, характерные фибулы, лощеная керамика, бронзовое литье и неплохой уровень ювелирного дела мощинцев (их выемчатые эмали в XIX – начале XX вв. довольно часто принимали за готские и египетские изделия) явно не походили на поделки первых славянским поселенцев (Болдин и др. 1999: 197-200). Грубость и относительная примитивность славянских орудий, керамики, прочих находок наряду с отсутствием следов хронологически близких мощинских и роменско-боршевских поселений представлялись явными доказательствами отсутствия контактов и, тем более, какой-либо преемственности. Впрочем, к иным выводам, на фоне отсутствия необходимых материальных доказательств, прийти было, по всей видимости, нельзя.

В последние годы гипотеза о возможности прямого взаимодействия двух этносов, проживавших в разное время на одной территории, получила подкрепление новыми данными: после «обработки керамических коллекций с верхнеокских памятников роменской культуры IX-X вв, появились свидетельства о сохранении традиций мощинской культуры в их керамическом комплексе» (Воронцов 2011: 14). Конечная датировка ряда мощинских поселений отнесла их уже не к V в, а к VI-VII вв (Краснощекова, Красницкий 2006: 249-250). Такого рода находки стали косвенным аргументом, подтверждающие гипотезу «об участии носителей позднемошинских традиций в формировании славянского населения Верхнего Поочья» (Воронцов 2011: 15). Предположение о существовании «на памятниках мощинской культуры, расположенных на мелких притоках Оки, слоев, датирующихся вплоть до середины VII в.» получило реальные подтверждения (Воронцов 2011: 15).

Новыми красками заиграли косвенные данные, ранее представлявшие недостаточно весомыми. В пользу существования прямых контактов этих культур говорит близость зафиксированных погребальных обрядов и упоминание летописями в середине XII в. «люди Голядь верх Поротве» (ПСРЛ II: 151, 339). Показательным является то обстоятельство, что «ни на соседних, ни на отдаленных от ареала мощинской культуры территориях нет племен, в погребальном обряде которых сочетались бы те же признаки, что и у мощинцев» (Массалитина 1994: 15). Но они есть у вятичей: известные нам детали погребального обряда (кремация усопших и оградки курганов, типичные лишь для вятичей и мощинцев) выглядят явными заимствованиями, которые были возможны лишь при непосредственном контакте, а также определенной психологической близости, ибо прощание с умершим является одной из наиболее табуированных, традиционных и архаичных сфер человеческой культуры. На чужаков в таких вопросах не равняются.

Помимо прочего, лингвистические исследования позволили выявить здесь существование, практически до наших дней, ярко выраженного верхнеокского

субареала балтской гидронимии, что также является весомым доводом в пользу возможности межэтнических контактов вятичей и мощинцев, ибо передаваться иноязычные наименования водных объектов в те времена могли лишь изустно (ввиду отсутствия письменной фиксации). Дополнительным доводом может служить отсылающий к проживавшим там вятичам и мощинцам верхнедонской «локус балтийской гидронимии, обнаруженный в самое последнее время» (Топоров 2000: 373-374, 375).

Таким образом, значительно возросла вероятность продолжения существования небольших мощинских поселений вдали от разрушенных городищ, на берегах небольших рек и ручьев верхнеокского бассейна. Данная гипотеза позволяет дать достоверное объяснение факту отсутствия у вятичей традиций изготовления знаменитых мощинских лощеных керамических изделий и художественных украшений, сохранение которых было бы более вероятным внутри более крупных и населенных поселений. В то же время погребальные обряды, в отличие от приемов и навыков производства различных предметов культуры и быта, естественным образом сохранились гораздо лучше в силу своего широкого распространения в поселениях всех масштабов. Именно их могли частично позаимствовать и адаптировать пришедшие на эти земли славяне, позже ставшие вятичами.

В качестве аргумента, подтверждающего высокую вероятность симбиотического взаимодействия разных культур, перешедшего в ассимиляционное, можно рассматривать результаты исследования территориального размещения поселений в бассейне Верхней Оки. Как ранее указывалось, значительная доля вятичей состояла из носителей роменско-боршевской археологической культуры, весьма распространенной к югу и хорошо приспособившейся к обработке черноземных почв. Первичное славянское расселение тяготело к черноземным зонам. Балтские культуры здесь явно использовали подсечную систему земледелия, славянские – пашенную, о чем говорит отмеченное расположение археологических памятников: предположительно балтские «предпочитали песчаные ландшафты полесского типа», а славянские тяготели «в сторону преимущественного заселения ландшафтов с черноземами» (Давыдчук, Фролов 1976: 16). Обусловлено это было принципиальной разницей использования одинаковых агротехнических приемов при обработки лесных песчаных почв и чернозёмов: сжигание остатков растений повышает плодородие первых и уничтожает этот показатель у вторых.

Поселение на лесных почвах делало прежние навыки ненужными и малопродуктивными. Сопоставление информации о расселении дославянских и славянских племен на территории Верхней Оки приводит к выводу о различных способах освоения местных ландшафтов носителями предположительно балтских (верхнеокской, позднезарубинецкой (почепской), мощинской) и славянских (боршевско-роменской, древнерусской) культур.

Очень важным и значимым здесь является то обстоятельство, что способы и

варианты ведения хозяйственной деятельности, особенно такой важной, как сельскохозяйственное производство, являются чрезвычайно консервативными и статичными. Фактически не отмечено случаев, когда бы сельскохозяйственные приемы и навыки заимствовались у менее развитых либо побежденных (а уж тем более у вымерших) народов. Вятичи, для этнической группы, полностью пришедшей из иной почвенной зоны и не знакомой с местной агротехникой, слишком быстро перешли на балтские приёмы, чтобы предполагать что-то иное помимо прямого заимствования. Сопоставляя эти данные с прокламируемым летописями размещением их в лесистой зоне, следует признать высокую вероятность гипотезы о первичном вятичском этногенезе как результате ассимиляции славянами преимущественно «лесных» балтов, с усвоением балтских агротехнических приемов. Славянские переселенцы использовали другие типы почв и агротехнические приемы, а потому у них не было большой нужды заселять давно заброшенные и разрушенные мощинские поселения если в них уже не теплилась жизнь.

В этой связи определение вероятности прямой поселенческой преемственности между мощинскими и славянскими населенными пунктами в бассейне Верхней Оки может стать одним из весомых аргументов для определения возможности взаимодействия и влияния поздних носителей мощинской культуры на вятичей. Если размещение крупных поселений обуславливалось необходимостью соблюдения условий защищенности, в первую очередь, рельефом и реками, то мелкое сельское поселение нуждалось, прежде всего, в доступности полей и плодородии почв. В том случае, если между временами ухода мощинцев и прихода вятичей имелся бы интервал продолжительностью от двух до трех веков, то освоенные мощинцами поля и пастбища на залесённой территории бассейна Верхней Оки пришли бы в полное запустение. Последующая расчистка заросших лесом бывших сельскохозяйственных угодий для вятичей должна была стать крайне сложной и трудновыполнимой задачей. Если же допустить, что вятичи имели возможность непосредственно использования прежние мощинские поля и выкорчевки, хотя бы частично “дождавшиеся” их, то можно предположить, что технические сложности обработки земли могли быть значительно уменьшены.

Для ответа на вопрос о том, сменили ли вятичи представителей мощинской археологической культуры непосредственно на местах их проживания, или между этими этническими образованиями пролегал временной интервал в несколько веков, автором настоящей статьи были проанализированы имеющиеся данные о совпадении мест размещения поселений обеих культур. Сведения об известных поселениях мощинского и вятичского времени на территории Верховского исторического региона (провинции) опубликованы и нуждаются в систематизации. Для упорядочивания имеющихся в распоряжении исследователей материалов и облегчения дальнейшего анализа на основе серии «Археологическая карта России» (Тульской, Калужской, Орловской и Брянской областей) был составлен ряд однотипных рабочих таблиц. Подробности анализа полученных результатов и

ограничения, введенные по разным причинам автором, имеются в отдельной статье (Майоров 2016а). Здесь же достаточно привести результаты.

В целом, достоверно установленные предшественники, относимые к мощинской культуре, выявлены у 21 вятичского поселения из 65, выявленных на территориях трех субъектов РФ (32,3% их общего количества). Помимо того, 9 вятичских поселений имеют возможно предшествующее мощинское поселение (13,8% их общего количества). 2 поселения имеют предшественников в виде неопределенного поселения второй половины I тысячелетия нашей эры (3,1% их общего количества). Таким образом, с разной долей вероятности, возможных предшественников, относимых к мощинской археологической культуре, имеет 49,2% поселений роменской археологической культуры, расположенных в бассейне Верхней Оки и заселенных впоследствии вятичами (Майоров 2016а).

Особый интерес в перечне поселений представляют селища, имевшие мощинских предшественников, так как именно в селищах могли реально сохраниться физические носители мощинской археологической культуры, впоследствии ассимилированные славянами. Поскольку территории современной Брянской и Орловской областей по разным причинам выглядят явно нетипичными в плане рассматриваемого вероятного межэтнического взаимодействия, был проведен анализ данных с территорий современных Тульской и Калужской областей. Всего выявлено 40 поселений, не отнесенных к городищам, из которых от 30 до 53% имеют явные признаки дославянского (мощинского) существования (Майоров 2016а). Такого рода результаты представляются достаточно весомым косвенным аргументом в пользу рассматриваемой гипотезы.

Безусловно, никто не отрицает возможность случайных совпадений выбора места поселений, но столь высокая доля заставляет полагать о возможности наличия фактора вероятной преемственности. Таким образом, ряд прямых и большое количество косвенных данных свидетельствуют о реальной возможности участия части реликтового мощинского населения в формировании вятичской этнополитической общности на территории бассейна Верхней Оки.

Иной особенностью, указывающей на высокую вероятность полиэтнического характера этногенеза вятичей, является классификация печных сооружений, относящихся к различным восточнославянским племенным княжениям. Согласно ей, наиболее близки вятичам по способам сооружения печей были поляне и закарпатские хорваты, также использовавшие каменно-глиняные печи и каменные очаги для обогрева (Смиленко 1989: 111). Помимо этого, прослеживаются аналогии с прежней мощинской традицией. И вновь – весьма близкие вятичам культурно и территориально северы предпочитали печи, вырезанные в материковых останцах либо глиняные, а обогревались подбойными печами и очагами (Смиленко 1989: 111).

Косвенным аргументом в пользу возможного появления в этой местности и других организованных групп, может служить отмеченное учеными «многократное увеличение населения в первой половине IX в.» (Григорьев 2012: 99). Археологические данные говорят о появлении значительного числа новых жителей

на тех землях, которые уже были первоначально освоены славянами. И эта волна не была идентична первичным славянским поселенцам: изменились бытовые и хозяйственные приемы, появились новые типы украшений наряду с уже отмечавшимися ранее. Есть весьма серьезные основания «предполагать, что в начале IX в. новая мощная волна славянских переселенцев заполнила всю территорию от Днепра до Дона» (Григорьев 2012: 100). Таким образом, автор настоящей статьи, идя вслед за результатами, полученными рядом авторитетных исследователей, приходит к выводу о необходимости обязательного учета фактора полиэтничности в ходе вятичского этногенеза. Более того, уже упомянутое ранее присутствие ещё в XII в. «людей голядь» на территории Земли вятичей при почти полной идентичности местной археологической обстановки прочим вятичским землям, может говорить о частичной незавершенности этнической ассимиляции при наличии культурно-бытового единства. Таким образом, вятичи в данной ситуации предстают не столько как этническая, но именно как этнополитическая группировка.

Вероятные причины, маршруты и территории исхода славянских колонистов

Весьма важным и до конца нерешенным являются вопросы о времени славянской колонизации рассматриваемой территории, месте исхода переселенцев и их побудительных мотивах. Традиционная точка зрения говорит о приходе «первовятичей» с юго-запада – из днепровского славянского ареала. Этот подход насколько же общ, настолько и неточен. Днепровский бассейн столь обширен, что охватывает верхнеокскую территорию не только с юго-запада, но и с юга, и с запада, и даже немного шире. Потому определение точного места исхода первопоселенцев, передвигавшихся по главным транспортным артериям того времени – рекам, возможно только после анализа полного комплекса информационных источников, к числу которых следует отнести не только письменные сообщения, но и данные археологических изысканий.

Для понимания причин и направлений славянской колонизации бассейна Верхней Оки IX-X вв. следует указать на наличие нескольких важных обстоятельств, одним из которых следует назвать географические особенности региона в широком смысле, к которым, помимо характеристик расположения, следует отнести также гидрографические, почвенные, ботанические и ряд иных физических характеристик. Важнейшим представляется наличие в рассматриваемом регионе зоны смыкания и переплетения четырех крупнейших речных бассейнов: окского (как части волжского), донского, деснянского (как части днепровского) и западно-двинского (даугавского). Наличие гигантского потенциала транзитной торговли всегда было понятно исследователям. Уже в XIX в. выходили работы, весьма точно и графично демонстрировавшие особенности такого потенциала (Загоскин 1910). Тем не менее, реализация заложенного потенциала в предшествующий славянской экспансии период по разным причинам не состоялась.

Заинтересованный исследователь может рассматривать ряд признаков и свидетельств разнообразных событий расселения славян (и иных этносов на указанных территориях), но не менее важным являются другие вопросы – откуда вышли переселенцы и были побудительные причины, заставившие оседлых земледельцев внезапно подняться с насиженных мест и уйти за сотни километров со своей малой родины? Успешность в вопросах размножения (и как следствие – перенаселенность зон исхода) не может служить аргументом, так как именно в это время, обычной была высокая детской и материнская смертность, рост населения был очень неспешен – число выживших детей составляло 1,66 – 2,6 ребенка на 1 женщину (Риер 2006: 75-76). Остаются (по мнению автора статьи) насильственное переселение, добровольное с заинтересованностью и бегство от некой внешней угрозы, либо разные сочетания указанных обстоятельств.

Факторы, приведшие к активизации славянского расселения на просторах Восточной Европы, многочисленны и до настоящего времени являются предметом активной дискуссии. Задача историка, исследующего возникновение и ход вятичского этнического формирования, облегчается тем, что место его зарождения весьма четко локализовано и хорошо известно – территории бассейна Верхней Оки и прилегающих земель бассейнов Десны и Верхнего Дона.

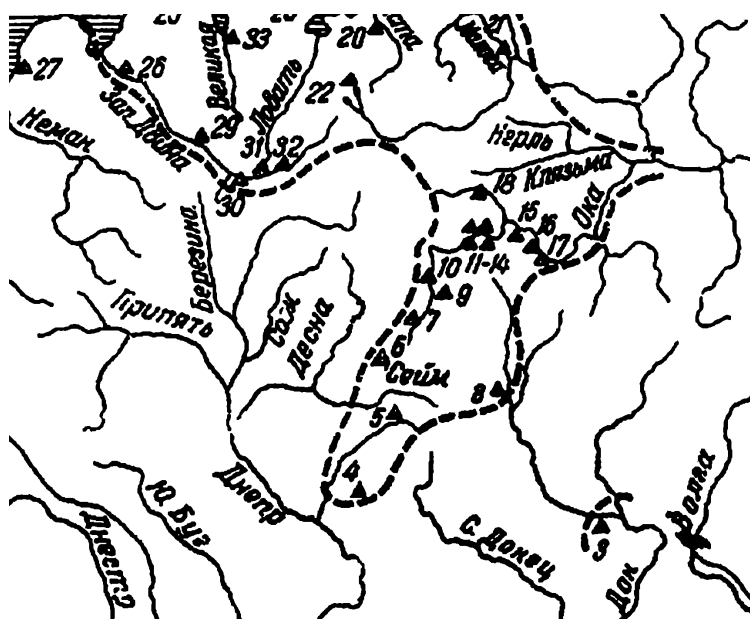
Согласно современным представлениям, вятичи являлись носителями одной из ветвей роменской (ромено-боршевской) славянской археологической культуры, научно выделенной в середине XX в. (Ляпушкин 1947: 121-136). К числу её носителей также относятся другие восточнославянские группировки – радимичи и северы (северяне). Истоки собственно роменской культуры по разному трактуются разными специалистами.

Наиболее древней из участников этого триединого культурного сообщества общепризнанно считаются северы (северяне), что подтверждается явно более высокой плотностью их населения и многочисленностью археологических памятников. Были и иные мнения, обосновывающие общее движение славяноколонистов с севера на юг, что в настоящее время не является ведущим трендом, хотя данные о наличии “неюжных” признаков у различных географически южных восточнославянских группировок ценны и должна быть отмечена (Третьяков 1970: 103). Таким образом, данные, полученные археологами, наводят на мысль о существовании южных и западных маршрутов первоначального расселения славян в бассейне Верхней Оки.

Для понимания других причин заселения именно этих земель славянами следует упомянуть, что упомянутый выше транзитно-транспортный потенциал рассматриваемой территории не был интересен и почти не использовался до VII-VIII вв. В этот период «балтийская система коммуникаций приобретает новое содержание: из региональной она преобразуется в общеевропейскую и затем – в трансконтинентальную. Резкий рост значения Балтики был обусловлен радикальными переменами, происходившими в Средиземноморье, где арабские завоеватели перекрыли традиционные пути, связывавшие его с Востоком... Центр

тяжести в поисках новых путей на Восток был перенесен с юга Европы на север» (Мельникова 2010: 51). Поиски новых удобных торговых маршрутов привели к установлению прочных связей между европейскими территориями в бассейнах Северного и Балтийского морей, с одной стороны, и Волжской Булгарией, Хазарией и рядом других стран к востоку и югу от мест расселения славян, с другой стороны. Каспийско-волжско-балтийский, черноморско-окско-балтийский и ряд иных маршрутов, проходящих по рассматриваемой территории, наконец-то стали востребованными.

Решение вопроса о масштабах товарооборота и причинах меньшего использования дунайской речной сети выходят далеко за пределы статьи, а здесь следует сосредоточиться на местных признаках активизации внешней торговли. Одним из такого рода признаков следует считать достаточно многочисленные клады куфических монет, обнаруженные в данной местности. Обычно выделяют два периода обращения куфических монет IX в. (связывая с ними выпадение кладов): первую треть столетия и последующие две трети того же века, несколько различавшихся по территориям охвата (Кропоткин 1978: 115-116). Согласно имеющимся данным, Ока, Верхний Дон, Десна и Двина четко попадали в зону нахождения кладов с такими монетами и, по всей видимости, являлись местом прохождения весьма активных торговых маршрутов. «Очень значительная часть восточной монеты уходила... по Окскому пути... ...Становление так называемого Пути из Варяг в Греки произошло... несколько позже» (Янин 2009: 122). Приведенная тем же автором карта распространения дирхемов во втором периоде обращения (начиная с середины 30-х гг. IX в. и до его завершения) также демонстрирует их находки вдоль Западной Двины, но почему-то не связывает именно их с Окой и Верхним Доном, хотя уже упоминавшиеся историко-географические исследования демонстрируют возможность и вероятность транспортировки из окской и донской речных системы в двинскую (Янин 2009: 119).

В последующий период – первые десятилетия X в. – отмечается значительный количественный прилив монетарного серебра: «Значительное расширение торговли... привело и к усилению насыщенности восточноевропейского денежного обращения серебряной монетой. ...Усиление торговых связей Восточной Европы с Востоком сопровождается в это время и значительным усилением балтийской торговли» (Янин 2009: 137). Зона распространения дирхема в 900-970 гг. относительно бассейна Верхней Оки и верховьев Дона фактически осталась такой же как и в предшествующий периоды, а вот на западе в нее полностью попал бассейн Десны, Сожа, Припяти и других днепровских притоков как на запад, так и на север, немного не дотягиваясь до польских земель, отмеченных выпадением кладов такого же типа (Янин 2009: 138). Это подтверждает факт установления в это время более тесных связей вдоль старого широтно-речного торгового пути.

Здесь следует сделать небольшое отступление, посвященное летописным упоминаниям о вятичах. Они хорошо известны и относительно немногочисленны. Первое же цитата приводит каноническую версию возникновения вятичей: «Радимичи бо и Вятичи от Ляховъ. бяста бо. 2. брата в Лясах. Радимъ. а другому Вятко и пришедъша. седоста Радимъ на Съжю. [и] прозв[а]шася Радимичи. а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце. от негоже прозвашася Вятичи» (ПСРЛ I: 12). Приведенная версия вполне подтверждается различными данными, но, безусловно, нуждается в уточнениях.

Крайне важным является понимание – является ли выражение «от Ляхов» этническим либо географическим? Поскольку IX в. является временем начала ляхской экспансии на земли, относившиеся к сфере великоморавского влияния, постольку географическое указание представляется предпочтительным. В пользу подобной гипотезы говорит свидетельство так называемой «Минейной редакции» жития чешского святителя святого Вячеслава, которая начинается следующими словами: «Месяца септемвриа в 28 день Житие блаженного князя Вячеслава бывшего в Лясах» (Сказания 1970: 60). То есть, для автора, по всей видимости, несмотря на то, что события жития происходят «в Чехах» и с чешским князем, всё равно местность располагается «в Лясах». Это тем более интересно, что возникновение именно этой редакций считается связанным с Русью и содержит отсылки к сказанию о Борисе и Глебе. Существуют иные варианты того же повествования, которые с Русью не связаны, к примеру – так называемая «Востоковская легенда», являющаяся более поздним кириллическим вариантом сохранившихся глаголических бревиариев XIV – XV вв. (Сказания 1970: 35) В ней о «Лясах» не упоминается, здесь чётко обозначено место: «Бе бо князь велик славою, в Чехах живыи...» (Сказания 1970: 36). Несложно заметить разницу восприятия: там, где для русских направление обобщено понятием «в Лясах», для местных существует конкретная локализация «в Чехах».

Важным является указание на приход «*Вятко с родом своим*», а не на переселение на Оку всех вятичей. Освоение гигантской территории силой всего лишь «рода», насколько бы велик он не был, в течение столетия является задачей нерешаемой. Кроме того, бытовая культура многочисленных пришельцев должна

была количественно и качественно выделяться в аборигенной среде и чётко отграничиваться археологически. Мы же можем наблюдать лишь появление большого числа новых элементов, но не смену культур, что означает, по меньшей мере, относительный численный паритет, относительную близость и, вероятно, существование более раннего опыта их взаимодействия, что смягчило последующее воздействие пришлых. Потому более вероятным представляется приход по уже давно отработанному и освоенному речному торговому маршруту ограниченной вооруженной группы, взявшей земли и маршрут под свой контроль. Затем уже последовало переселение несколько более многочисленных групп, относимых скорее к гражданскому населению.

Интересно, что косвенно этот порядок отмечен в летописных сообщениях, где приход Вятко и Радима в последовательном повествовании отнесен ко времени более раннему, нежели фиксация факта уплаты вятичами дани хазарскому каганату в 859 г. (ПСРЛ I: 8). Данное сообщение летописи никаким образом не опровергает высокой вероятности более ранней уплаты дани хазарам, так же как и факта возможности более раннего возникновения территориальных структур вятичей. Взаимоотношения с хазарами представляют собой отдельную обширную тему, которая не может быть подробно затронута в формате статьи, но, тем не менее, несколько суждений в этой связи будут приведены далее.

Крайне любопытно, что форма летописного сообщения в некоторых своих аспектах позволяет провести параллель с другим известным летописным сообщением: «и избрашася. трие брата. *с роды своими.* и пояша по собе всю Русь. *и придоша* къ Словеномъ первее. и срубиша город Ладогу. *и седе* старейишии в Ладозе Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Белеозере. а третей Труворъ въ Изборьске. и от техъ Варягъ. *прозвася* Рускаа земля» [курсив мой – М.А.] (ПСРЛ II: 14). Нетрудно заметить почти буквально совпадение последовательности и терминологии в текстах двух различных рассказов. Применение в средневековом сообщении даже усеченного варианта формулы призвания правителя (буквальное воспроизведение важных элементов стандартной формулы призвания вождя), адресуясь к неопределённому по своему статусу персонажу, сразу же переводит его в непростую категорию полноправных легитимных вождей и не может быть случайным. Кстати, данное указание на роды Рюрика, Трувора и Синеуса также практически никем из историков не трактуется как перемещение крупной этнической группы.

Само имя Вятко дает основу для проведения широкого и плодотворного анализа. Его обычно трактуют как сокращенную форму имени Вячеслав (Фасмер 1986: 376, 378). Оно явно необычно для простого переселенца, которым пытается подать его летопись. Интересно, что в Фульдских анналах прослеживается упоминание созвучных княжеских имен в виде Witislan под 872 г. и Witizla (Вячеслав) под 895 г. (Annales 1891: 126). Более того, наблюдается полное совпадение реконструированной полной формы имени Вятко с именем канонизированного христианской церковью чешского князя Вячеслава (ст.-слав. «Вяцеслав», чеш. Václav, лат. Venceslaus, dux Wratislaus), жившего в начале X в., что, в свою очередь, приводит

к мысли о возможной принадлежности «первовятича» к числу высокопоставленных представителей западнославянского общества (Bretholz 1923: 253).

Ещё более драматическим выглядит совпадение имен двух братских пар, сыгравших значительную роль в славянской истории – восточнославянских Вятко и Радима и западнославянских братьев-епископов святых Войцеха (Вацлава) и Радима, в крещении Адальберта и Гаудентиуса. Характерно, что западнославянские святые братья были сыновьями князя Славика, прямо наследовавшего и правившего рядом коренных земель Великоморавской державы (Berend 2007: 282).

Любопытно, что только вятичи и радимичи (о радимичах и их происхождении см.: Жих 2017: 12-63) удостоились летописной фиксации имен своих основателей. Лингвистические исследования показали, что «летописный текст мог бы служить вполне аутентичным доказательством их реального существования. ...В родословных легендах радимичей и вятичей в качестве эпонимов использованы подлинные имена... племенное название является производным от реального антропонима». Летописный источник являясь, во многом, повествовательным произведением «...оказывается вполне надежным ономастически» (Назаренко 2009: 388).

В связи с вышеизложенным, гипотезы, возводящие этноним «вятичи» к индоевропейскому корню «*ven-t» (мокрый, влажный) через праславянский *vet либо праславянскому *vět (большой, значительный) выглядят несколько искусственными, поскольку никому до настоящего времени не удалось обнаружить особенно выдающуюся увлажненность места их расселения или чрезмерную величину этой этнической группы относительно таких же характеристик, присущих другим славянам.

Безусловно, большая часть указаний на тесную связь с Великой Моравией является косвенной. Также как и указывающее на её наличие начало применения в русском княжеском имянаречении, вместо прежних скандинавских форм, традиционных моравских двукорневых славянских имен, произошедшее после падения этого государства. Тем не менее, столь значительное количество косвенных признаков, наряду с данными археологических исследований позволяют выстроить гипотезу о большой степени влияния на верхнеокские дела процессов, имевших место на территориях, позже обозначенных летописями «в Лясах».

Великая Моравия в IX в. представляла собой своеобразную «сверхдержаву» Восточной Европы, так что границы только её ядра определяются: «на юге – течением Дуная (после 858 г. – включая нагорье Пилиш на правом берегу Дуная), далее южное побережье Матры до Токайских холмов, далее – возможно, по течению реки Уг; на севере граница совпадала с гребнями Карпат, а на западе – с Чешско-Моравской возвышенностью и р.Камп до Дуная» (Раткош 1985: 84). В ходе экспансии правителя державы Святополка I, действовавшего, по всей видимости, при поддержке католического Рима, под его властью оказались Силезия, южная Польша, сорбское Полабье, Чехия, Потисье, часть Паннонии (Гавлик 1985: 99). Таким образом, в момент наибольшего расширения данное государство занимало территории

современных Словакии, Чехии, Венгрии, Румынии, южной части Польши, северной Болгарии, украинское Закарпатье, северную Сербию и часть Хорватии.

В этой связи следует обязательно упомянуть относительно небольшие работы А.В.Майорова и Л.В.Войтовича, которые позволили автору весьма четко проследить наличие многочисленных хронологических параллелей между политическими событиями в Центральной Европе конца I тысячелетия н.э. и появлением значительного числа славянских переселенцев, изменениями в бытовой культуре и общественной организации на территории бассейна Верхней Оки (Майоров 2006; Войтович 2006: 6-39). Появление Вятки и переселенцев могло быть как результатом некой разведки, так и следствие ухода групп, недовольных подчеркнуто христианским характером моравской экспансии либо бегством от внешней агрессии (мадьярской, польской, чешской, германской и т.д.).

В настоящей статье очень мало внимания уделено роли Хазарского каганата в истории становления Земли вятичей не потому, что эта роль была невелика. Просто количество исследований, затрагивающих и описывающих данную тему, весьма велико и простое их перечисление займет весьма много места (Новосельцев 1990; Назаренко 2001). В то же время следует указать, что без, как минимум, согласования с Хазарским каганатом, державшим под своим контролем практически все маршруты в направлении восточных стран (волжский, донской, северо-кавказский и.д.) поселение большой группы нового населения в зоне пересечения нескольких важных транспортно-торговых путей представляется абсолютно невозможным.

В IX-X вв. только Хазарский каганат, представлявший собой сложное мультикультурное и мультирелигиозное государственное образование, мог реально обеспечить безопасность волжского, донского и окского участков широтного трансевразийского торгового пути. Этому весьма благоприятствовала внутренняя обстановка в каганате: процессы внутренней «притирки» уже завершились и внутри единых этнических групп к тому времени вполне уживались различные религиозные системы. Хазары равно принадлежали к четырем религиозным традициям: исламской, христианской, иудейской и языческой. Столь необычная внутривосточная ситуация позволяла им выступать в качестве абсолютно уникального торгового посредника в межэтнических, межрелигиозных и межгосударственных отношениях до тех пор, пока их услуги были нужны их соседям (Новосельцев 1990: 153-154).

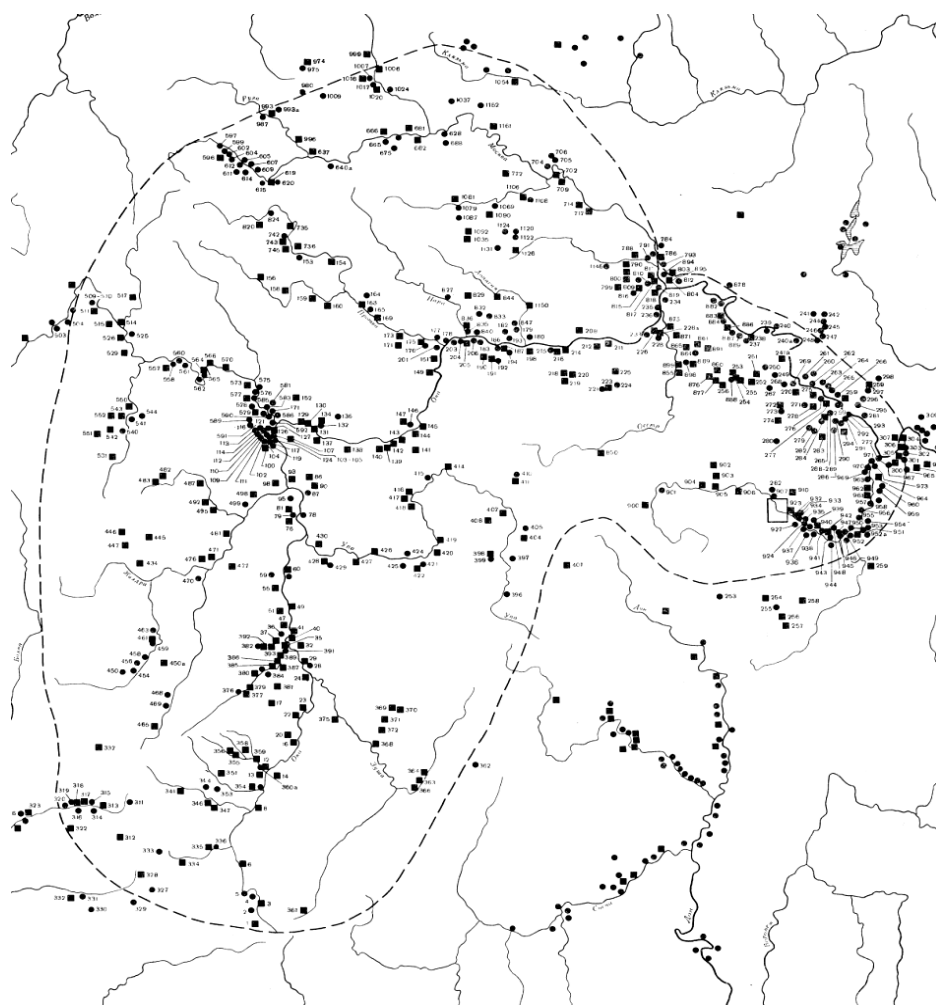
Расселение славян по окской речной системе, в случае предварительного согласования, не должно было встречать препятствий со стороны хазарских властей. Напротив, хазары могли рассчитывать на включение переселенцев (к числу которых, помимо вятичей, относят ещё и культурно близких им радимичей и северян), в местную хозяйственную деятельность (Григорьев 2005: 153). Археологические данные позволяют отследить связь роменской археологической культуры трех этих славянских группировок с предшествовавшей волынцевской и салто-маяцкой культурой, явно распространенных на территориях каганата.

Культурные, бытовые и военно-политические особенности вятичского этнополитического объединения

Рассмотрение особенностей сложившегося на рубеже IX-X вв. вятичского этнополитического объединения заставляет обратиться к результатам археологических исследований указанных территорий. Как уже упоминалось, большой объем археологических исследований на данной территории был проведен в XX в. И если Арциховский занимался, в первую очередь, инвентарём курганов, то последующие ученые значительную часть своих изысканий посвятили исследованию остатков поселений и бытовой культуры разного рода.

До настоящего времени исследованием, наиболее полно описывающим всю совокупность культурных, поселенческих, бытовых и других характеристик вятичского этноса является работа Никольской «Земля вятичей», а потому использование карт, в ней приведенных позволяет весьма точно отобразить зону его расселения.

Места археологических находок достоверных свидетельств проживания вятичей в бассейне верхнего течения Оки

Несложно заметить, что четко очерченная зона, относящаяся к бассейну дона (собственно Дон, Сосна и Меча), не были включены в территорию Земли вятичей, что выглядит, как минимум, необоснованным. Известные к настоящему моменту характеристики так называемых «донских славян» чрезвычайно близки вятичам и их выделение в отдельную этническую группу представляется условным и весьма спорным. По мнению автора статьи, этот подход должен быть обязательно скорректирован. Несложно заметить ранее и уже отмеченную четкую привязку всех видов археологических свидетельств к речной системе.

Хозяйственная деятельность и бытовая культура

Говоря об организации хозяйственной деятельности и бытовой культуре вятичей, следует указать на абсолютную «обычность» вятичей, ведущих типичный восточнославянский образ жизни. Местные жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством и бортничеством. Мед и воск из вятичских лесов были широко известны на других территориях и являлись хорошим товаром. Женщины активно занимались прядением и ткачеством. В качестве сырья применялись лен, конопля и овечья шерсть. Для окраски тканей вятичи использовали растительные красители. Были распространены одноцветные и пестрые клетчатые ткани с геометрическим узором.

На Верхней Оке чаще преобладал крупный рогатый скот, затем шли лошади, свиньи, мелкий рогатый скот. Зверя, птицы и рыбы в лесах было много. Бобров, белок и куниц били на меха. Активно ловили рыбу неводами и на крючок. Кроме того, били рыбу острогой, ловили на блесну, очевидно, применяли «кошки» для зимнего подледного лова.

Вятичи были хорошо знакомы с металлургией. Использовались болотные и луговые руды. Раскопки показывают наличие большого количества ремесленных мастерских – гончарных, металлургических, слесарных, камнерезных, ювелирных. Само их присутствие подтверждает предположения о сравнительно зажиточном быте населения, так как только наличие «лишних» доходов могло объяснить такое количество ремесленников. Очевидно, что в тех случаях, когда домохозяйства еле-еле сводят концы с концами, они не будут тратить на украшения и покупную посуду – проще самим изготовить необходимые предметы. Такой подход к организации быта хорошо виден по славянским находкам более ранних периодов, когда практически все – орудия труда, посуда, одежда, бытовой инвентарь – изготовлялось на месте, кустарным образом. Как известно, среди нищего народа профессиональным ремесленникам прокормиться невозможно.

Обстоятельством, весьма затрудняющим оценку реального уровня развития вятичей, является банальное смешение этнически маркированных археологических находок разных периодов. К вятичским часто относят предметы как ранней, так и более поздней датировки, фактически синхронные древнерусским, относящиеся к черниговскому периоду. Это изрядно искажает общую картину.

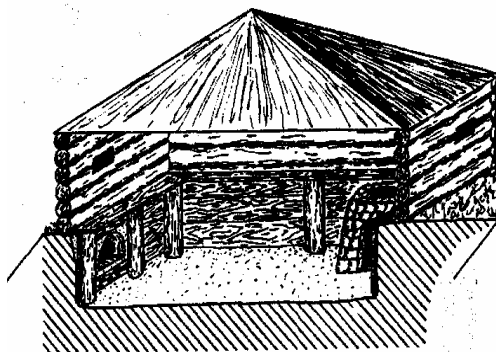
Безусловно, началу строительства постоянных построек предшествовал подробная разведка территорий. Об этом периоде археология сведений не имеет. В то же время, «...наиболее вероятной датой построек начального этапа заселения региона может считаться рубеж VIII-IX – 1-я пол. IX вв.» (Григорьев 2005: 134-135). Одним из наиболее крупных и интересных ранних славянских поселений на рассматриваемой территории является Супрутское городище. В некоторой степени его можно полагать древней вятичской протостолицей, своеобразным аналогом Ладоги, Темирево, Гнездово, Шестовицы и др., не достигшего их масштабов, хотя и основанного в то же время.

Впрочем, рассуждать о столице данного этнополитического объединения крайне сложно. Иногда создается впечатление, что единой столицы не существовало. К примеру, крайне многочисленные поселения у р.Упа сопровождаются относительно малым числом выявленных в качестве захоронения курганов, а относительно многочисленные, хотя и (в значительной части) разграбленные курганные могильники, расположенные вдоль Оки и её крупных притоков, не имеют поблизости сравнимого количества жилой застройки. Создаётся впечатление, что усопшие после смерти увозились из дому и заметная доля захоронений осуществлялась вдали от места проживания в специальных местах упокоения.

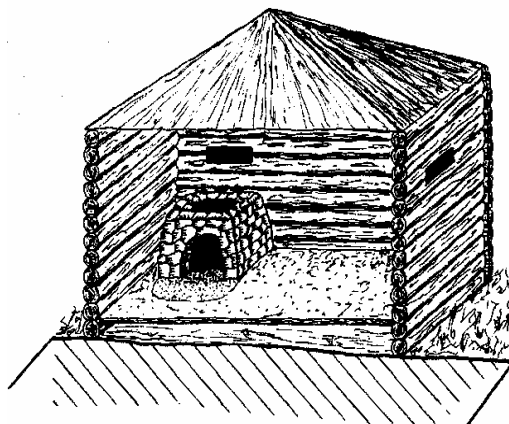
Супруты интересны еще и тем, что это поселение, основанное как вероятный опорный пункт вятичской колонизации не позднее рубежа VIII-IX вв. на месте сторевшего мощинского городища IV-VII вв., было уничтожено в результате вражеского набега, что даёт возможность исследовать четкий «срез» состояния местного общества в самом начале X в. (АКР Тульская. Ч.1: 236-239) Помимо Супрут, неподалёку наличествуют и иные городища вятичей эпохи первоначального расселения, значительно большие по площади (Торхово, Уткино, Тимофеевка), к сожалению недостаточно изученных виду вековой хозяйственной деятельности на их месте, а потому не столь информативных. Хотя плотность размещения поселений вятичской эпохи вдоль Оки и её притоков (Упы, Зуши, Жиздры, Угры и др.) крайне высока.

Жилые постройки в Земле вятичей, по данным Никольской, подразделялись на несколько типов. Жилища в двух вариантах – наземные (жилые стены-клетки либо срубные с подпольем или без подполья или с углубленным полом) и углубленные в землю (срубного типа и столбового), похожие на традиционные славянские полуземлянки (Никольская 1981: 185). Хозяйственные постройки также подразделялись на наземные (срубные и столбовые) и углубленные (внутридомовые подпольные и подпечные ямы, погреба, внедомовые ямы для хранения).

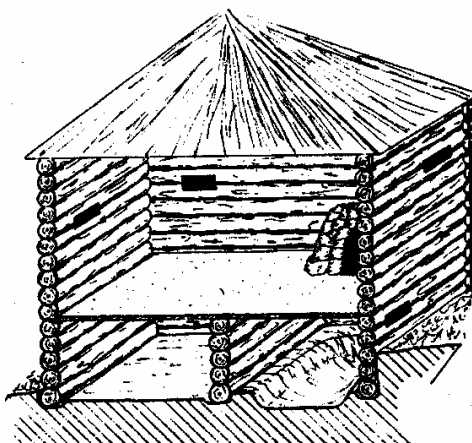
Далее приведем примерные изображения реконструкции описанных жилищ. Более ранние жилища характеризуются углубленной жилой частью и полностью соответствуют «классическим» славянским «полуземлянкам» (с различными местными вариациями), известным археологам на протяжении нескольких веков (Григорьев 2005: 35-51).

Изображения жилых помещений размещены в предполагаемой хронологической последовательности их появления. Безусловно, приведенные здесь данные конспективны и неполны. Тем не менее, представление о направлении развития домостроения они дают.

Археологам удалось весьма наглядно изучить и продемонстрировать общий ход изменений в ранний период расселения славян: «...Жилища... с углубленной жилой частью характерны для начального этапа раннего периода славянского заселения региона. К концу этого периода они полностью сменяются наземными постройками с углубленным подклетом или без такового. ...Наиболее поздними из наземных жилищ были постройки с подпечной ямой» (Григорьев 2005: 51).

Наглядность «выкапывания из земли» позволила сделать вывод о приходе славянских первопоселенцев из более теплого и менее лесистого региона, а также о возможном участии реликтовых аборигенов в стремительном изменении в традициях домостроения: «...тенденция быстрого перехода от углубленных жилищ к наземным может объясняться прежде всего особенностями природных условий региона... Не исключено, что определенное влияние на смену типов жилищ оказали традиции местного неславянского населения» (Григорьев 2005: 52).

Позднейший этап вятичского домостроения, относящийся уже к XII-XIII вв. исследован Т.Н.Никольской на примере городища Слободка. Согласно её заключению, «наиболее распространенным и простым типом жилищ... была наземная, однокамерная срубная изба» (Никольская 1987: 54). Обычно присутствовали и другие, более архаичные типы индивидуальных жилых построек, но, судя по всему, они постепенно срубными избами вытеснялись.

Особенности хозяйственного домостроения и использования зерновых ям, равно как и технологические детали других ремесленных производств могут чрезмерно расширить настоящую статью. Следует, пожалуй, отметить две важные местные отрасли, дающие массу информации об уровне и направления развития вятичей – производстве керамики и ювелирном деле.

Т.Н.Никольская выделила три хронологических группы вятичской керамики: «группа А – VIII – X вв., группа Б – конец X – первая половина XII в., группа В – вторая половина XII – середина XIII в» (Никольская 1981: 56). В целом данная классификация актуальна до настоящего времени.

Керамика первой группы идентична классической роменской посуде, в подавляющем большинстве своём (до 90%) лепная (безкруговая), с добавлением органики, шамота, дресвы, обожжена печным способом при относительно низких температурах. Основная доля – горшки, сформированные методом круговых налепов. Небольшая доля керамики произведена на гончарном круге. Среди них попадаются образцы относимые к предметам волынцевского и салтовского типов. Керамика, произведенная на круге, по всей видимости прошла обработку в обжигных горнах (печах), равномерно и более правильно обожжена (Григорьев 2005: 123-127; Никольская 1981: 56).

Активное распространение гончарного круга Т.Н.Никольская относит к концу X в. Состав глиняного теста, из которого была изготовлена посуда этого периода близок первоначальному, но более равномерно перемешан, отстоян, в большинстве обработан на круге и обожжен на специализированной печи.

Третья группа датируется XII-XIII вв. и почти полностью соответствует древнерусской керамике – хорошо выдержанное («отмученное») глиняное тесто без примесей, правильно обработанное на круге и правильно обожженное в горне (Никольская 1981: 60). Изменения были не одномоментны. Процесс эти шли по нарастающей, но, тем не менее, несмотря на постоянное присутствие всех традиций на рассматриваемой территории, число носителей старых навыков постоянно сокращалось. Результатом стал окончательный переход к общерусским приемам в

XIII в.

Весьма наглядное изменение в производстве керамики является весьма удобным маркером, используемым для датировки времени существования того или иного поселения. В то же время, как и всякая культурно-производственная традиция, она не может служить единственным показателем.

Эволюция керамики хорошо показывает дрейф и изменение направленности экономических и демографических контактов: от старых роменско-волынцевских – к новым древнерусским. Помимо прочего, обращение к новым производственным приемам могло быть вызвано как большим количеством древесного топлива для обжига (которого у культурно близких северов, живших в лесостепи, было просто меньше), так и простым переселением ремесленников из других мест, являвшихся носителями той традиции, что распространилась тогда же на территории приднепровской Руси.

Относительно ювелирного дела вятичей существует обширная и качественная литература, позволяющая весьма точно и четко проследить его эволюцию (Никольская 1981; 1987; Зайцева Сарачева 2011). Достаточно упомянуть, что количество инструментов, форм, заготовок и иных атрибутов ювелирного дела обнаруженных на вятичской земле того периода чрезвычайно велико и может быть сравнимо только с количеством аналогичных находок столичного Киева. Крайне интересно, что местом, ставшим фактически центром ювелирного производства земли вятичей, был город Серенск, расположенный на старых мощинских территориях, относительно недалеко от мест проживания летописных «людей Голядь». Распространение различных ювелирных изделий, а также мастеров ювелирного дела в Змеле вятичей и вятичских волостях Черниговского княжества было весьма высоко.

Религиозные особенности

Весьма интересен вопрос о религиозной стороне жизни вятичей. Судя по всему, их никак не затронул языческий реформизм князя Владимира, попытавшегося объединить в едином пантеоне славянских, аланских, тюркских, балтских и прочих богов, которым поклонялись его разноэтничные подданные. А потому реконструировать отдельные черты религиозных воззрений вятичей приходится с использованием разнообразных источников.

Пожалуй, самым известным из них является летописное свидетельство: «И Радимичи, и Вятичи, и Северъ одинъ обычай имяху: живяху въ лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отъци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены собе, съ нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызно надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу мертвеца, сожъжаху, и посемъ собравше кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпе на путехъ. еже

творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи, прочии погании не ведуще закона Божья, но творяще сами себе законъ» (ПСРЛ I: 6). Учитывая предположительное время письменной фиксации данного рассказа, следует отнести весьма широкое распространение язычества, как минимум, не позднее начала XII в.

Анализ содержания сообщения дает весьма точную картину обычного язычества, не отягощенного какими-либо экстремальными крайностями. Библейские пищевые ограничения, обязательные для монахов-летописцев, вятичам неведомы («ядуще все нечисто» - козленок в молоке, раки, мясо в постный день и т.д. и т.п.), питаются они разнообразно и относительно обильно, поскольку отсутствует необходимость экономить продукты в нормальной ситуации. Часто прибегают к бытовой магии и заговорам – «срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами». Силами нескольких, а может многих поселений проводят различные празднества и ритуалы – «схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища», в ходе которых производятся бракосочетания.

В целях облегчения жизни женщин, вследствие более высокой мужской смертности «имяху же по две и по три жены», причем, по всей видимости, только по взаимному согласию, что особо оговаривается – «умыкаху жены собе, съ нею же кто съвещашеся». Не совсем ясно, что больше возмутило монаха-летописца – полигамия или необходимость взаимного согласия при заключении брака.

Весьма прозрачны черты культа предков. Кремация тел покойных сопровождается последующим перенесением праха в «судине» и установку погребальных сосудов на перекрестках путей, которые согласно всем славянским взглядам являются местом «...контакта с потусторонним миром» (Славянские 1995: 687).

Кстати, в связи с этими особенностями захоронения, которые в целом подтверждены результатами археологических исследований вятичских курганов, становится понятным удаленность поселений и собственно мест захоронения, размещённых «на путех».

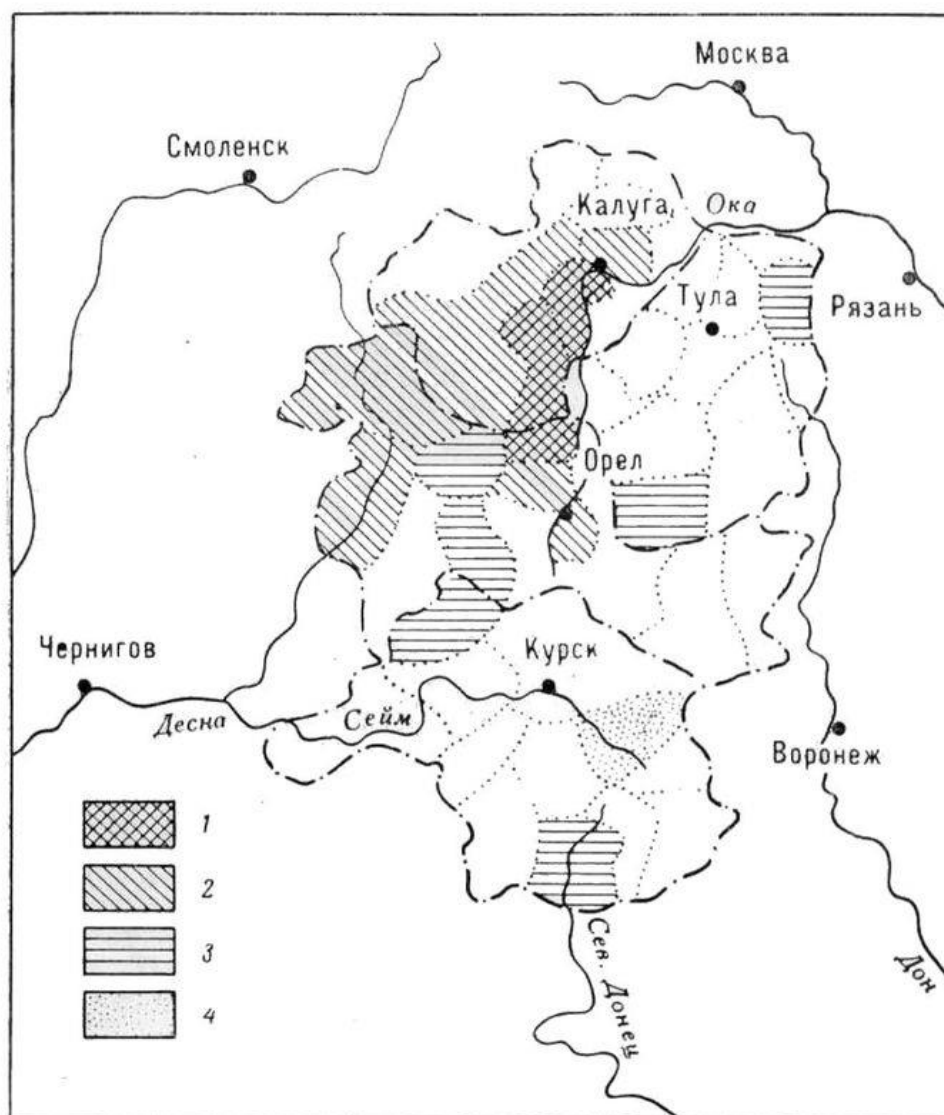
Вятичские кладбища представляли собой группы курганов (обычно от 5 до 40, есть и значительно большие по количеству) полусферической формы высотой от 0,3 до 2-3 метров, диаметром от 5 до 12-16 метров (Никольская 1981: 100). Ранние захоронения вятичей тщательно соблюдают описанный летописцем обряд кремации (сожжения на погребальном костре), а потому находки инвентаря в них очень бедны. Позднее, вероятно под влиянием христианства, началось захоронение тел усопших, что позволило археологам создать более полную картину материальной жизни окских и донских славян. В женских погребениях обычно находят много украшений. Мужские захоронения на находки бедны.

Очень редко удастся обнаружить в позднейших захоронениях крестики, иконки, другие признаки христианства. Тысячи раскопанных курганов Подмосковья дали только несколько десятков таких находок. Хотя среди украшений на подвесках маленькие иконки и крестики попадаются. Предполагается, что это свидетельствует о двоеверии вятичей (Никольская 1981: 106).

Помимо прочих общеславянских ритуалов, до настоящего времени довольно неплохо прослеживаются сохранившиеся элементы нескольких специфических вятичских языческих обрядов. Речь идет, в частности, о обрядах «похорон кукушки» и т.н. «солнекараула».

К счастью фиксация и локализация мест распространения обряда «похорон кукушки» научно уже проведена и можно воспользоваться готовыми результатами. Ареалом обряда являются верховья Оки и Десны. Он «...представляет собой территорию, которую... занимали племена вятичей» (Бернштам 1981: 190). Наилучшая сохранность и «...наиболее полно обряд был представлен в компактной зоне, расположенной в верховьях Оки и частично Десны, что в административном отношении соответствовало четырем юго-западным уездам Калужской губ., двум западным и двум центральным уездам Орловской губ.» (Бернштам 1981: 182).

Ареал обряда «крещение и похороны кукушки».

1 — похороны, вырывание «кукушки», кумление; 2 — похороны «кукушки», кумление; 3 — кумление; 4 — гулянье молодежи, связанное с кукушкой.

Суть обряда восходит к каким-то чрезвычайно архаичным ритуалам девушек-молодиц, «вступающих в ритуальную связь между собой и в сакральную – с тайной, высшей силой, предстающей в образе кукушки» (Бернштам 1981: 197). Традиционно кукушка представлялась в славянской мифологии птицей, осуществляющей связь с иным миром. В данном же случае особую роль играет «кукушкина кума», в качестве которой выступало «...высшее, скорее всего, женское божество, имевшее в языческую пору название «кукушки» – птицы, представлявшей её земной ипостасью и обладающей пророческой и могущественной силой, в первую очередь в женских сферах бытия» (Бернштам 1981: 200). Кстати, автору настоящей статьи доводилось встречать в селениях на границе современных Орловской, Брянской и Калужской областей упоминания об обряде похорон не кукушки, но «кукуна».

Обряд «солнцекараула» до настоящего времени существует на Верхней Оке и

ассоциируется с Петровым днем (12 июля). В этот день «молодежь обоего пола проводила вместе всю ночь в канун праздника, наблюдала как при восходе солнце «играет», переливаясь разными цветами, устраивала в складчину трапезу, веселилась, рядилась... бесчинствовала» (Славянские 2009: 24).

Целью подобных действий было, по всей видимости, ограждение своего селения от потустороннего, в определенные дни получавшего допуск в мир людей. Бесчинствам «...придавалось магическое и подуцирующее значение: потерпевшие не только не обижались на молодежь, но, напротив, сочли бы себя оскорбленными, если бы их обошли. Наутро... хозяева собирали похищенные вещи по всему селу или извлекали их из кучи нагроможденных предметов» (Славянские 1995: 172).

Для понимания характера значительной части вятичских религиозных воззрений достаточно упомянуть название из вероятного организационного центра – Дедославль, роль и значение кукушки как птицы связующей с иным миром, особую значимость курганов предков и ряд иных указаний, чтобы отметить высокую значимость культа предков. На это также указывает значительное число населенных пунктов с корнем «-дед-» на территории, прежде относившейся к вятичскому ареалу. Тема эта большая, сложная, нуждается в дополнительной подробной проработке. По всей видимости, значительная доля многочисленных местных обрядов поминовения, получивших позднее православную окраску, явно восходит к дохристианским временам. Напоминание о прочих общеславянских празднованиях и ритуалах не входит в число вопросов, нуждающихся в освещении данной статьи.

Распространение распространения христианства в бассейне Верхней Оки до настоящего времени не получило подробного и специального освещения. Находясь на перекрестье торговых путей, они должны были получить некоторые сведения о христианстве как с Запада, так и с Востока (некоторая часть хазар, согласно византийским источникам, была крещена православными просветителями). Впрочем, это не повлекло его распространения ввиду изрядной удаленности от повседневных нужд и чаяний местных жителей. Существовавшие к тому моменту языческие религиозные практики, по-видимому, вполне удовлетворяли как рядовое население, так и власть имущих.

Об отношении церкви к существующим местным религиозным практикам хорошо говорит тон уже цитированного летописного отрывка. В то же время некие сдерживающие факторы не давали начать внутренний русский «крестовый поход» за душами язычников. Ситуация изменилась после завершения феодальных войн XII в.

Интересен рассказ о мученическом подвиге печерского иеромонаха Кукши. В своих прежних работах автор настоящей статьи уже обращал внимание на большое количество странностей и логических нестыковок внутри дошедшего до нашего времени рассказа (Майоров 2013: 107-110). Весьма интересно другое обстоятельство. Нигде не встречается даже упоминаний о наказании язычников, убивших монаха-проповедника и его ученика. Местная столица Чернигов и его представители на местах никак не отреагировали на горестное известие, дошедшее до Киево-

Печерского монастыря сразу в день его совершения (после чего вестник немедленно скончался) (Патерики 1999: 27). Подобное положение наводит на мысль о явной вторичности распространения христианства для гражданской администрации в числе важнейших целей. По всей видимости, оно долго продолжало носить оттенок некой элитарной особенности, показывающей близость к правящей верхушке, а не стремительно распространяющейся доминирующей религиозной системы.

Вполне актуальными остаются выводы, сделанные на основании данных археологических исследований вятичских захоронений: «смена сожжений трупоположениями на горизонте [в конце XI в. – А.М.] с полным сохранением всех деталей языческой обрядности... говорит... лишь о зарождении двоеверия... Лишь во второй половине XII в. и особенно на рубеже XII и XIII вв. наблюдается переход ... к ямным захоронениям, для которых характерно почти полное отсутствие языческих деталей обряда и наличие христианских признаков» (Недошивина 1976: 49).

Христианская церковь в первые столетия своего официального существования на Руси была слишком слаба и зависима от княжеской власти, чтобы всерьёз пытаться изменить сложившееся положение. Чрезмерная активизация христиан в борьбе с местным язычеством была в известной мере просто невыгодна княжеской администрации, так как была способна нарушить то равновесие, которое сложилось между поставленной черниговскими князьями властью и местными «лучшими людьми».

Раскопки Т.Н.Никольской на Верхней Оке (Слободка и т.д.) не смогли идентифицировать ни одно из найденных строений в качестве христианского храмового сооружения (Никольская 1981). Между тем, разного рода малых предметов, относящихся к сфере индивидуального отправления христианских обрядов (иконок, нательных крестиков и т.п.), также найдено весьма немного.

Найденные предметы, отнесенные к христианским религиозным атрибутам (обломок глиняной иконки, лампада и т.д.) локализуются в пристройке к остаткам «...жилого комплекса, принадлежавшего феодалу» (Никольская 1987: 60-61). Характерно, что возле обнаруженных костяков погибших во время гибели городища простых его обитателей крестики, иконки, иные характерные принадлежности не обнаружены, в то время как украшения из драгоценных металлов выявлены были (Никольская 1987: 82).

Отсутствие знаков принадлежности к христианскому миру на земле вятичей просматривается постоянно. Так, коллекция «крестов и иконок», собранная примерно из тысячи вскрытых курганов Подмосковья, носящих признаки принадлежности к вятичской культурной традиции, состоит всего лишь из 42 предметов (Беленькая 1976: 88).

По всей видимости, даже в XIII в. христиане были весьма малочисленны. Это объяснить лишь немногочисленность и фрагментарность находок православной символики. По нашему мнению, процесс распространения христианства среди населения Верховской историко-географической провинции происходил достаточно медленно и был затруднен длительным господством языческих верований.

Политическая история вятичей

Для реконструкции и описания отдельных событий вятичской истории, по мнению автора, ценными могут быть, в первую очередь, источники письменные. Таковых существует четыре вида: русские летописи; восточные, под которыми понимается весь комплекс мусульманских авторов; западные в виде латиноязычных хронистов; византийские. Известные ныне западные и византийские могут быть полезны лишь для общей характеристики событий на территории Древней Руси.

Весьма сложен вопрос использование восточных источников. Традиция составления географических компиляций на основе различных сообщений вела, с одной стороны, к сохранению их для будущих исследователей, с другой – к их некритическому синтезу. Возникала ситуация, когда описание, относившееся к этносу одной эпохи переносилось на иной этнос другого времени. Особую сложность вызывает манера повествования, которая разворачивает его в соответствии с последовательностью шествия того или иного каравана по торговому пути. Учитывая многовариантность конкретных маршрутов (как в пространстве, так и во времени), возникает ситуация, когда не вполне ясно – идет ли речь в повествовании о Волге, Оке, Доне, Днестре или даже Дунае? Каждый из этих конкретных маршрутов может быть отнесен к описанию путешествия через хазар или их данников на запад.

Также, откровенно говоря, не вполне понятно какая этническая группа описывается в том или ином сообщении – вятичи, северы, хорваты, легендарные именковцы или какие-то иные вероятные кандидаты на эту роль (“сакалиба” и др.). В связи с этим, несмотря на крайне интересные детали и подробности, способные побудить по-новому оценить уровень развития различных групп славян, их использование для объективного анализа, без четкой и однозначной территориальной и хронологической привязки, представляется весьма затруднительным. Рамки одной статьи слишком тесны для описания различных аспектов и деталей, необходимых при использовании этого рода источников. А потому, в целях сокращения объема работы, преимущество здесь отдано летописям и археологии.

Как и всякий официальный текст, русские летописи должны были соответствовать официальной картине мироустройства, а также (как тексты, составленные духовными лицами) добиваться прославлению Бога и распространению христианства. В каждом конкретном случае, факторы, воздействовавшие на летописца, различались в зависимости от места, времени написания и личности летописца. Таким образом, всякая летопись изначально была тенденциозна и субъективна, что не умаляет её информационного значения для исследователя.

Упоминание вятичей в связи с их вассальными отношениями по отношению к хазарам присутствует в летописях в таком виде: «Въ лето 6367 (859) Имаху дань

Варязи изъ заморіа на Чюди, и на Словенехъ, и на Мери. и на всехъ Кривичехъ, отъ мужа по беле веверице. А въ тоже время Козари имаху дань на Полянех, и на Северянехъ и на Вятичехъ» (ПСРЛ I: 29). По всей видимости, дата принятия зависимости от хазар взята летописцем условно и приведена лишь для того, чтобы обосновать, как минимум, *равные права* руси и хазар на славянскую дань вследствие, то есть подразумевается факт уплаты дани в каганат вятичами и северянами *не позднее* 860 г. Откровенная политизированность вопроса не позволяет понять – носили ли вятичи уже свой этноним в то время или нет.

Следующим событием вятичской истории, имеющим собственную относительно точную датировку стало «хождение Ольгово на греки». Как сообщает Лаврентьевская летопись: «Въ лето 6415 (907 - М.А.). Иде Олегъ на Греки съ множествомъ вой, а Игоря остави въ Киеве; понемъ же съ собою множество Варягъ, и Словяни, и Чюдъ, и Кривичи, и Мерю, Поляны, и Северу, и Древляны, и Радимичи, и Вятичи, и Хорваты, и Доулебы, и Тиверици, иже суть толкованы: сии вси звахуся отъ Грекъ Великаа Скифиа. Съ ними съ всеми поиде Олегъ въ кораблехъ и на конехъ» (ПСРЛ I: 37). Радимичи, в отличии от предшествующего сообщения, упоминаются, следовательно, уже существуют как политический субъект. Таким образом, приход «первовождей» обоих этнополитических объединений, скорее всего, уже произошел официально.

Другим событием вятичской истории имеющим относительно точную датировку, следует полагать разгром Супрутского городища и вятичских селищ в его окрестностях в результате набега некоего варяжского отряда, о чем говорит огромное количество наконечников стрел, имеющих явно северное происхождение, следы нескольких штурмов и финального пожара, многочисленные и не до конца ограбленные останки защитников крепости, женщин и детей (Григорьев 2005: 162-164). Найденные монеты определяют время пожара периодом не ранее первого десятилетия X в., что снимает с киевских князей подозрения в разгроме Супрут – в это время они активно осваивали бассейн Днепра и, как упоминалось ранее, организовывали совместный поход на Константинополь. Вполне возможно, что разгром стал мстью какой-то волжской варяжской группировки за «хазарское коварство».

Именно в этот период в 912 г. либо 913 г. русы совершили грандиозный набег на прикаспийские города. По договоренности с властями Хазарского каганата они были пропущены по Волге на Каспий и обратно за половину добычи. На обратном пути у них возникли серьезные проблемы, так как христианская и мусульманская общины Хазарии не смогли спокойно смотреть на проплывающие мимо богатства. Кроме того, христиане и мусульмане в этот период времени являлись основными религиозными конфессиями на территории современного Азербайджана, Ирана и Дагестана, а потому грабеж обидчиков единоверцев представлялся хазарским мусульманам и христианам делом богоугодным. К ним охотно присоединились болгары, буртасы и хазары-язычники (учитывая малочисленность иудейской верхушки, непосредственно участвовать в грабеже русов собралось почти все

активное население Хазарии). Каган через посланников предупредил русов об угрозе (вероятно, даже лицемерно пожаловался на невозможность обуздать своих златолюбивых подданных), но потери норманнов, по всей видимости, были очень велики (Коновалова 1999: 116-117).

Существует большая вероятность, что разгром Супрут был осуществлен участниками каспийского похода, основной целью которых был не традиционный грабеж и угон населения в рабство (о чём говорят многочисленные находки украшений, а также женские и детские трупы, которые не были полностью ограблены и захоронены – археологами найдены 104 тела), а стремление отомстить хотя бы союзникам своих обидчиков. Разгром был полный и окончательный.

Во второй половине X в. вятичами занялся князь Святослав Ольгович, в стремлении разгромить хазар начавший с их официальных данников. Основным побудительным мотивом для этой активности была, вероятно, попытка овладеть значимыми и доходными торговыми путями, проходившими по руслам рек. Первый поход 964 г. князя Святослава на вятичей, по всей видимости, закончился явно неудачно. Летописному сообщению о разбирательстве с вятичами четко предшествует его знаменитая фраза «иду на вы», из чего становится понятно, что обращена она была именно в сторону вятичей: «И посылаше къ странамъ, глаголя: хощу на вы ити. Иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи, и рече Вятичемъ: кому да нь даете? Они же реша: Козаромъ по щягу отъ рала даемъ» (ПСРЛ I: 65). Вряд ли Олег предпринял большой поход, чтобы просто получить справочную информацию по поводу адресата налоговых платежей. Кроме того, в случае успеха похода летописец обязательно упомянул бы этот факт.

Через год, удовлетворивший своё любопытство князь, предварительно разгромив Хазарию, вновь пошёл на Оку: «Въ лето 6474 (966) Победи Святославъ Вятичи и дань на нихъ положи» (ПСРЛ I: 65). Весьма похоже, что гибель многочисленных поселений донских славян также была обусловлена деятельностью именно этого выдающегося русского князя (Енуков 2005: 269). Через территорию разгромленного Святославом Хазарского каганата на славянские земли хлынул огромный поток различных кочевых народов, первыми из которых стали печенеги. С падением каганата значительно сократился мощный поток восточного серебра, ради контроля за которым военные действия, собственно, и затевались, результатом чего стало последующее падение в Европе интереса к волжскому торговому пути.

Киевский князь Владимир Святославич осуществил против вятичей, по меньшей мере, два похода – в 981г.: «Иде Володимерь. к Ляхомъ, и зая грады ихъ.... Того же лета и Вятичи победи, и възложи на нихъ дань. От плуга, якоже и отецъ имаше». На следующий год «...заратишася Вятичи. и иде на ня Володимерь, и победи я второе» (ПСРЛ I: 75). Вполне возможно, что пока торговый маршрут работал, дань, наложенная хазарами на вятичей, являлась вполне адекватной и посильной – доходы значительно перекрывали расходы. После разрушения маршрута Святославом и его потомками величина обязательных платежей, вероятно, стала чрезмерно высокой.

Результатом военного похода того же князя против родственных вятичам северов стал их полный разгром, уничтожение большей части их городов и крепостей, а также конец роменской археологической культуры. В результате этого завоевания и последующей колонизации восточно-северское славянское сообщество Посемья погибло (Енуков 2005: 275). Количество «живых» поселений, по данным археологии, на этой территории сократилось вдвое. Часть северского населения была уничтожена, часть, вероятно, превращена в рабов, часть помещена в своеобразные «резервации», часть бежала в другие регионы, какая-то часть, несомненно, уцелела и вошла в состав единой древнерусской народности. Именно в это время среди вятичских находок появляются вещи, указывающие на появление в вятичских землях значительного числа северов с их роменскими традициями (Енуков 2005: 288, 305).

Таким образом, одним из реальных фактов вятичской истории можно считать прием в конце X в. множества беженцев и переселенцев из разгромленной земли северян. Примерно в 400 км к северу от своей прежней родины формируется общность потомков северских беженцев, сохранивших свои обычаи и привычки (Енуков 2005: 305-306). Удивительная для тех времен высокая плотность населения отдельных вятичских территорий была, возможно, вызвана размещением на них северских беженцев с территории Посемья, разгромленного киевскими князьями. Об этом говорят многочисленные находки предметов материальной культуры, более характерных для Посемья, обнаруженные во время археологических исследований.

Помимо прочего, походы киевских князей, по всей видимости, стали одним из значимых факторов, стимулировавших активность вятичской колонизации будущей Рязанской земли. Именно в X в., согласно А.Л.Монгайту, происходила бурное расселение вятичами территории Средней Оки, что, учитывая высокую вероятность вынужденного характера данной миграции, прекрасно хронологически сочетается с походами Святослава и Владимира против донских славян. Более того, становится понятен достаточно быстрый (менее чем, через сто лет от появления первых поселенцев) «...расцвет городской культуры, ярким примером которого является развитие Старой Рязани» (Монгайт 1961: 255). История Рязанской земли представляет собой отдельную тему и не будет здесь рассмотрена, поскольку, несмотря на признание рязанцами своего вятичского происхождения, в их генезисе огромную роль, судя по всему, сыграли носители финской культурной традиции, что значительно усложняет анализ местных этнополитических процессов.

Освоение территории Посемья и Подонья, очищенной от значительной части местного населения, последовало достаточно быстро. Под 988 г. идет информация летописи о том, что Владимир «...нача ставити города по Десне, и по Вьстри, по Требежу, и по Суле, и по Востугне; нача нарубати мужи лучшими отъ Словянъ и отъ Кривичъ, отъ Чюди и от Вятичъ. и отъ сихъ насели грады» (ПСРЛ I: 113).

Следующим упоминание вятичей есть у Владимира Мономаха. В «Поучении» он повествует об эпизодах своей жизни, имевших отношение к вятичам, что, очевидно, должно было характеризовать твердость его характера и полководческий

талант. Он вспоминает, что «...к Ростову идохъ, сквозе Вятиче, посла мя отецъ», подчеркивая, что стремился исполнить отцовское поручение и не побоялся пойти былинной прямоезжей дорогой, опасной для князей и их дружин (Поучение 1969: 156). Очень похоже, что вятичские земли находились под собственным управлением и явочным порядком не подчинялись киевским «высшим менеджерам».

Под 1092-1093 гг. указывает, что «...въ Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму» (Поучение 1969: 158). Похоже, что речь идет о собственной вятичской управленческой структуре, вероятно, наследственной и не связанной с киевским княжеским начальством. Напрашивается вывод, что после первого похода против князя (как минимум, военного вождя) Ходоты, в результате которого Ходота был выведен из строя – ранен или убит, во главе вятичских вооруженных сил стал его сын-наследник, что намекает на наличие местной династии правителей и собственной столицы, о взятии которой не сообщается.

Современные данные археологических исследований свидетельствуют о начале активного освоения славянами бассейна Москвы-реки именно во второй половине XI в. В этот период долина среднего течения Москвы-реки и долина ее правого притока р. Пахры (нижнее течение) были колонизованы населением, пришедшим туда с юга, из-за Оки. Отдаленной исходной точкой колонизационного движения являлся ареал проживания северян и вятичей. Первая волна переселенцев, согласно оценке, равнялась 2-3 тысячам человек, причем эта группа подразделялась на довольно крупные коллективы, не менее нескольких десятков человек в каждом (Кренке 2014: 31). Активизация русской экспансии в верховьях Оки и Десны заставила большие группы населения искать убежище на севере. Кстати, территории вокруг современной Москвы ещё долго (около столетия) не контролировались ни одним из древнерусских княжеств, что стало одной из причин высокой концентрации здесь знаменитых вятичских курганов.

В связи с этим, предложенная Г.Ф.Соловьевой классификация курганных групп XII-XIII вв. вряд ли соотносится с различными административными или этническими субгруппировками вятичей, поскольку половина этих особых захоронений относится к бассейну Москвы-реки (Соловьева 1956: 165). Групп, группировок и формирований вятичей, несомненно, было много больше, поскольку здесь не были учтены захоронения и поселения всех территорий, занимаемых вятичами на Верхней Оке и Верхнем Дону.

По всей видимости, весьма независимое существование вятичей продолжалось достаточно долго, так как даже в конце XI в. их безуспешно пытались заставить подчиняться Рюриковичам. Кстати, былинный рассказ о прямоезжей дороге из Муром в Киев, очевидно был навеян именно этими мотивами. Учитывая, что населенный пункт Солова, расположенный неподалеку от сердца вятичских земель, и напоминающий об имени былинного же Соловья (разбойника?) существовал уже в то время, есть основания полагать наличие реальных предпосылок для сложения легенды, не обязательно в виде именно «разбойника». Для подданных Рюриковичей всякое местное должностное лицо, будучи не связано с их господином,

представлялось разбойником...

Черниговская земля, в состав которой по результатам Любечского съезда Рюриковичей 1097 г. попали земли вятичского этнополитического объединения, подразделялась на волости. В ней были волости собственно черниговские (здесь – Вщиж, Ормина и Росусь в Подесенье) и волости новгород-северские (среди которых «Вятичи» и Лесная земля на верхней Оке) (Зайцев 2009: 98). Центры этих волостей, как и всякие центры территорий, присоединенных недобровольно, находились на их окраинах: Карачев в качестве центра Лесной земли и Козельск как центр волости Вятичи. Отношения с вышестоящими ограничивались, по-видимому, своевременной уплатой дани.

Окончательное политико-административное покорение верхнеокских вятичей (как и их московских сородичей) произошло уже ближе к середине XII в. и было тесно связано с борьбой за первенство на черниговском столе между Давыдовичами и Ольговичами, а также активным вмешательством в неё со стороны внешних сил. Междоусобная война 1146-1154 гг. нарушила многие договоренности и старые порядки. Она же выявила до того времени не зафиксированные города на прежних вятичских землях: Карачев, Мценск, Козельск, Дедославль, Колтеск, Лобынь, Серенск, Девятгорск, Кром, Воротыньск, Лопасна, Коломна и др. В принципе, сообщения обычно выглядели как «побеже Святославъ из Новагорода Корачеву» (ПСРЛ II: 334). Или так: «бежа за лесъ оу Вятиче» (ПСРЛ II: 334).

Единственным эпизодом, который характеризует особую позицию вятичских вождей, является их съезд, прошедший в Дедославле в 1147 г.: «Святославъ же перебравъ дружиноу. и хоте ехати ...к Дедославлю. и в то вереме поча изнемагати Иванко Гюргевичъ. и был боленъ велми. Святославъ же не еха от него. ни дружины поустити. она же слышавша оже Гюрги прислалъ к нему в помочъ и не сместа ити, но съзвавша Вятиче и реша имъ. се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его на поль вама. и тако възвратистася ис Дедославля в то же вереме пойдоста Гюргевича Ростиславъ» (ПСРЛ II: 338).

Вятичи заняли нейтральную позицию на этом съезде, которую В.Н.Татищев передал в своей «Истории российской» таким образом: «Кто нами владеет, тому мы верны и покорны... И не без ума, по Апостолу, меч в наказание винным, а отмщение злым носите. А руку на господина своего и никогда такого в нас и в праотцах наших не бывало» (Татищев 2003: 204-205). Принимая во внимание абсолютное равнодушие местного населения к христианству, форма ответа выглядит неестественной и надуманной.

Последнее упоминание вятичей в летописях относится к 1197 г.: «Князь же великий внида въ волость, поима города Вятские и землю ихъ пусту створи...» (ПСРЛ I: 174). После сожжения городов и полного разгрома территории («землю ихъ пусту створи») владимирским князем вятичи полностью исчезают из политического контекста, хотя, безусловно, основную часть местного населения всё также составляли их прямые потомки.

Территориальные группировки и периодизация истории вятичей

Совокупность имеющихся в распоряжении исследователей данных позволяет сделать вывод о существовании не менее четырех устойчивых группировок славянского населения, осознававших себя как вятичи и относимых соседями к вятичам: верхнеокская, донская (верхнедонская), среднеокская (рязанская) и московская (подмосковная). Каждая из них имела собственную историю образования: особую территорию, этнический субстрат, исторический и политический контекст.

Обстоятельства, приведшие к их образованию, были описаны ранее, а потому здесь содеожится лишь их краткое перечисление. Первоначальный ареал расселения вятичей был сформирован на Верхней Оке и Верхнем Дону на основе ассимиляции пришлыми славянами реликтового местного балтского населения.

Этнический субстрат донской славянской группировки, культурно идентичных вятичам, по всей видимости, несколько отличался. Кроме того, ранее насильственное прекращение функционирования этого сообщества стало начальным пунктом возникновения среднеокской вятичской группировки, впитавшей в себя местные финно-угорские этносы и в скором времени ставшей основой формирования населения Рязанской земли. Нечто подобное имело место и в современных Москве и Подмосковье, когда группа вятичей с Верхней Оки, наряду с другими носителями роменской культуры и вероятным аборигенным неславянским субстратом, дали начало особой подмосковной группировке, продолжив свое собственное существование на прежней территории.

Предлагаемая периодизация истории верхнеокской «Земли вятичей», составляющей основной предмет профессиональных интересов автора настоящей статьи и являвшейся базовой для всех их территориальных группировок, состоит из четырех последовательных периодов.

Первый период охватывает время с VIII в. по X в. и характеризуется фактом зарождения независимого вятичского этнополитического объединения, бывшего, по мнению ряда исследователей, протогосударственным образованием (Шинаков 2009: 150). Своим началом данный период восходит к событиям первичного расселения славян, носителей роменской археологической культуры. Наиболее ярким характерным признаком этого периода можно считать существование так называемого «северянско-вятичского» межплеменного объединения. По всей видимости, эта структура находилась в даннических либо союзных отношениях с Хазарским каганатом и входила в систему обеспечения безопасности донского и окского торговых путей меридиональной направленности «из хазар в немцы».

Первоначальное становление его характеризуется ассимиляцией аборигенных носителей балтской мощинской археологической культуры. Завершением первого периода следует полагать факт (легендарного либо реального) прихода летописного Вятко, что, по всей видимости, привело к большей персонализации власти и

завершению процесса консолидации вятичского племенного княжения (Майоров 2015).

Вятичский племенной союз как отдельная территориальная, этническая и культурная единица существовал в IX в. и в двух первых третях X в. В экономическом плане его укрепляла возможность контроля над важным путем международной торговли того времени. В военно-стратегическом отношении его характеризовала относительная отдаленность от враждебных народов и наличие естественной защиты в виде обширных лесных массивов. Его политическое положение отличала независимость от соседей, наличие внутреннего родо-племенного управления, даннические отношения с неславянским государством – Хазарским каганатом.

В силу известных тенденций исторического развития вятичский племенной союз не мог оказаться в составе любого другого государства, кроме русского. Тем не менее, вятичи долгое время сохраняли особенность своего положения и противодействовали стремлению киевских властителей включить их в состав своего государства. Вятичский этнополитическое объединение оставалось полностью независимым от Киева политическим образованием до 960-х гг.

Второй период истории «Земли вятичей» начался в последней трети X в. с попыток установления контроля киевских князей над вятичскими территориями. Его началом следует полагать поход киевского князя Святослава на вятичей в 964 г. Контроль киевской администрации не был полным, вятичи сохраняли внутреннюю автономию и упорно сопротивлялись власти центральной древнерусской администрации. Последнюю треть X в. следует считать началом процесса постепенной ликвидации вятичского племенного княжения, началом широкого распространения древнерусской археологической культуры, включившей вятичские элементы как составные локальные особенности.

Во второй половине XI в. вятичи продолжали демонстрировать самостоятельность и непокорность центральной власти, о чем говорит контекст их упоминания в «Поучении» Владимира Мономаха. в своем упомянул военный поход «сквозь вятичи», как серьезное военное мероприятие. Включение «Земли вятичей» в состав единого государства было осуществлено в ходе нескольких последовательных силовых акций. Подтверждением летописному рассказу служат данные археологии, утверждающие, что к настоящему времени в пределах рассматриваемого региона археологам известно 61 вятичское городище и селище, возникшее ранее второй половины XI в. В XII в. продолжили свое существование только 49 поселений славянских городищ и селищ из названных 61 (Прошкин 2001: 63-64). Остальные перестали существовать – не все местные населенные пункты и жители сумели пережить присоединение к большому государству.

Третий период истории «Земли вятичей» относится к концу XI – первой трети XIII вв. Его содержанием является завершение процесса оформления вхождения данной территории в состав Черниговского княжества, её административно-культурная ассимиляция и создание на ней отдельных волостей.

Как известно, в условиях политического разделения Руси, окончательно

ставшего реальностью после 1132 г., земли вятичей всё же были введены в состав Черниговского княжества. Так же как и в прежнем Древнерусском государстве, эта территория оставалась далекой окраиной государственного формирования и рассматривалась его руководителями как зона второстепенных интересов и источник материальных ресурсов.

Крупная политическая структура (первоначально – Древнерусское государство, а затем – выделившееся Черниговское княжество) не смогла окончательно унифицировать верхнеокские земли, сделать их похожими на другие свои части, растворить их жителей в общей массе своего населения. По-видимому, силовое подчинение «Земли вятичей», отсутствие у князей интереса к судьбам проживавших там людей и следование личным политическим амбициям обусловило сохранение в местном общественном сознании особого отношения к центральной власти и желание возродить некоторые элементы своей прежней автономии.

Четвертым периодом вятичской истории можно полагать начало процесса окончательной ассимиляции внутри черниговского княжества в результате утраты элементов самоуправления вследствие княжеских междоусобиц середины XII в., а также последовавшего опустошения и разгрома территории внешними участниками противостояния. Вятичские земли под властью древнерусских князей в XII в. и в первой трети XIII в. политически и территориально стали безусловной частью Руси, сохранив, в то же время, ряд специфических особенностей в сфере материальной культуры, этнического самосознания, социальной психологии и общественных настроений, заметно повлиявшие на выбор направления их регионального развития в последующие века русской истории.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР Тульская 1999 - Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. Ред. Ю.А. Краснова. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.
- Арциховский 1930 - *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 224 с.
- Барсов 1865 - *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. I. Географический словарь русской земли (IX-XIV ст.). Вильна: Типография А. Сыркина, 1865. 220 с.
- Барсов 1885 - *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Второе издание, исправленное и дополненное. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. 374 с.
- Беленькая 1976 - *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья // Советская археология. 1976. № 4. С. 88-99.
- Бернштам 1981 - *Бернштам Т.А.* Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Л.: Наука, 1981. С. 179-203.
- Болдин и др. 1999 - *Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М.* Археология Калужской области. Калуга, 1999. 376 с.
- Войтович 2006 - *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э.: Начальные этапы формирования государственности // ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 6-39.
- Воронцов 2011 - *Воронцов М.А.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 14-15.

Гавлик 1985 - *Гавлик Г.* Государство и держава мораван (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М.: Наука, 1985.

Голубовский 1881 - *Голубовский П.И.* История Северной Земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография И.И.Завадского, 1881. 209 с.

Греков 1949 - *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 509 с.

Григорьев 2005 - *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Репроникс, 2005. 207 с.

Григорьев 2011 - *Григорьев А.В.* Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2011. С. 67-71.

Григорьев 2012 - *Григорьев А.В.* О «второй волне» славянской колонизации // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб.: СОЛО, 2012. С. 99-100.

Давыдчук, Фролов 1976 - *Давыдчук В.С., Фролов И.К.* К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 146. 1976. С. 11-18.

Енуков 2005 - *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Жих 2017 - *Жих М.И.* Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 12-63.

Загоскин 1910 - *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России. Казань: Лито-типография И.Н. Харитоновой, 1910. 506 с.

Зайцев 1975 - *Зайцев А.К.* Домагощ и границы «Вятичей» XII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 21-31.

Зайцев 2009 - *Зайцев А.К.* Черниговское княжество X-XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 237 с.

Зайцева, Сарачева 2011 - *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI-XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Коновалова 1999 - *Коновалова И.Г.* Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: 1999. С.111-120.

Краснощекова, Красницкий 2006 - *Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н.* Археология Орловской области // Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Вешние воды, 2006. 320 с.

Кренке 2014 - *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2014. 51 с.

Кропоткин 1978 - *Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.

Любавский 2000 - *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.

Ляпушкин 1947 - *Ляпушкин И.И.* О датировке городищ ромено-боршевской культуры // Советская археология. 1947. Т. IX. С.121-136.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 209 с.

Майоров 2013 - *Майоров А.А.* История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. Издание второе. Орел: Картуш, 2013. 376 с.

Майоров 2015 - *Майоров А.А.* Призвание Вятко (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного Университета. Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. № 3 (26). С.101-104.

Майоров 2016а - *Майоров А.А.* К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII-VIII веках // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 55-62.

- Майоров 2016b - *Майоров А.А.* Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII-XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2016. С. 8-13.
- Массалитина 1994 - *Массалитина Г.А.* Мощинская культура. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1994. 17 с.
- Мельникова 2010 - *Мельникова Е.А.* Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. // Древнейшие государства Восточной Европы. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С. 43-57.
- Монгайт 1961 - *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М.: Издательство АН СССР, 1961. 400 с.
- Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- Назаренко 2009 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.
- Недошивина 1976 - *Недошивина Н.Г.* О религиозных представлениях вятичей XI-XIII вв. // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 49-52.
- Никольская 1981 - *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.
- Никольская 1987 - *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.
- Новосельцев 1990 - *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Новосельцев 1998 - *Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: Восточная литература, 2000. С. 399-403.
- Патерики 1999 - Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. 496 с.
- Поучение 1969 - Поучение Владимира Мономаха // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969. 800 с.
- Прошкин 2001 - *Прошкин О.Л.* Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001. 374 с.
- ПСРЛ I - Полное собрание русских летописей, Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Типография Э. Праца, 1846. 285 с.
- ПСРЛ II - Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 574 с.
- Раткош 1985 - *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М.: Наука, 1985. С. 81-95.
- Риер 2006 - *Риер Я.Г.* Историческая демография: учебное пособие. Второе издание, дополненное. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. 160 с.
- Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков. М.: Наука, 1982. 599 с.
- Седов 2002 - *Седов В.В.* Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. Второе издание. М.: Научный мир, 2002. С. 153-159.
- Семенченко 1989 - *Семенченко Г.В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л.: Издательство АН СССР, 1989. С. 241-254.
- Сказания 1970 - Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.: Наука, 1970. 128 с.
- Славянские 1995 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
- Славянские 2004 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. 704 с.

- Славянские 2009 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
- Смиленко 1989 - Смиленко А.Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII-X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев: Наукова думка, 1989. С. 105-114.
- Соловьева 1956 - Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Т. XXV. 1956. С. 138-170.
- Татищев 2003 - Татищев В.Н. История Российская. В 3 томах. Т. 2. М.: АСТ, 2003. 732 с.
- Тимощук 2015 - Тимощук Б.О. Восточные славяне в VII-X вв. – полюдь, язычество и начало государства. Львов, 2015. 80 с.
- Топоров 2000 - Топоров В.Н. О балтийском слое русской истории // Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флори. М.: Языки русской словесности, 2000. С. 349-411.
- Третьяков 1953 - Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.
- Третьяков 1970 - Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Ленинград: Наука, 1970. 160 с.
- Фасмер 1986 - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
- Шахматов 1907 - Шахматов А.А. Южные поселения Вятичей // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. Т. 1. Вып. 16. СПб., 1907. С. 715-729.
- Шахматов 1919 - Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Вторая государственная типография, 1919. 64 с.
- Шинаков 2009 - Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Второе издание. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.
- Щапов 1989 - Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. М.: Наука, 1989. 233 с.
- Янин 2009 - Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 423 с.
- Annales 1891 - Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales / Ed. G.H. Pertzii. Hannoverae: Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891.
- Bretholz 1923 - Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II. Berlin, 1923.
- Christianization 2007 - Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' C. 900-1200 / Edited by Nora Berend. Cambridge University Press, 2007.

REFERENCES

- AKR Tula 1999 - Arkheologicheskaya karta Rossii. Tul'skaya oblast' [Archaeological map of Russia. Tula region], Section 1 / Red. Yu.A. Krasnova. M., Ins-t arkheologii RAN Publ., 1999, 304 p. [in Russian].
- Annales 1891 - Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales / Ed. G.H. Pertzii [Annals of Fulda], Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891 [in Latin].
- Artsikhovskiy 1930 - Artsikhovskiy A.V. Kurgany vyatichey [Kurgans of the Vyatichi], Moscow, RANION Publ., 1930, 224 p. [in Russian].
- Barsov 1865 - Barsov N.P. Materialy dlya istoriko-geograficheskogo slovary Rossii. I. Geograficheskii slovar' russkoy zemli (IX-XIV st.) [Materials for historical and geographical dictionary of Russia. I. Geographical dictionary of the Russian land (IX-XIV century)], Vilnius, Printing house A. Syrkina Publ., 1865, 220 p. [in Russian].
- Barsov 1885 - Barsov N.P. Ocherki russkoy istoricheskoy geografii. Geografiya Nachal'noy (Nestorovoy) letopisi. 2-e izd., ispr. i dop. [Essays of Russian historical geography. Elementary geography of (Nestor) chronicle. 2nd ed., corrected and updated], Warsaw, Printing house K. Kovalevskogo Publ., 1885, 374 p. [in

Russian].

Belen'kaya 1976 - *Belen'kaya D.A.* Kresty i ikonki iz kurganov Podmoskov'ya [Crosses and icons of the mounds near Moscow], in: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1976, № 4, pp. 88-99 [in Russian].

Bernshtam 1981 - *Bernshtam T.A.* Obryad «kreshchenie i pokhorony kukushki» [Rite of passage "baptism and funeral cuckoo's"], in: *Material'naya kul'tura i Mifologiya. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. XXXVII* [Material culture and Mythology. Collection of the Museum of anthropology and Ethnography. XXXVII], Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 179-203 [in Russian].

Boldin, Grudinkin, Efimov, Massalitina, Proshkin, Khokhlova 1999 - *Boldin I.V., Grudinkin B.V., Efimov A.E., Massalitina G.A., Proshkin O.L., Khokhlova T.M.* Arkheologiya Kaluzhskoy oblasti [Archeology of Kaluga region], Kaluga, 1999, 376 p. [in Russian].

Bretholz 1923 - *Bretholz B.* Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II [The chronicle of the Czechs of Cosmas of Prague. Volume II], Berlin, 1923 [in German].

Christianization 2007 - *Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' C. 900-1200* / Edited by Nora Berend, Cambridge University Press, 2007 [in English].

Davydchuk, Frolov 1976 - *Davydchuk V.S., Frolov I.K.* K istorii zaseleniya orlovskogo techeniya Oki v I tysyacheletii n.e. [The history of the settlement of Orlovsky reaches of the Oka in the first Millennium B.C.], in: *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii. Slavyano-russkie drevnosti. Vyp. 146* [Short messages of Institute of archeology. Slavic-Russian antiquities. Vol. 146], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 11-18 [in Russian].

Drevnerusskie pateriki: Kievo-Pecherskiy paterik. Volokolamskiy paterik [Ancient Paterik: the Kievo-Pechersk Paterikon. The Volokolamsk Paterikon], Moscow, Nauka Publ., 1999, 496 p. [in Russian].

Enukov 2005 - *Enukov V.V.* Slavyane do Ryurikovichy [Slavs to Rurikovich], Kursk, Uchitel' Publ., 2005, 352 p. [in Russian].

Fasmer 1986 - *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. I (A-D): per. s nem. i dop. O.N.Trubacheva / pod red. i predisl. B.A. Larina. 2-e izd., ster. [Etymological dictionary of the Russian language. T. I (A-D): per. s nem. and additional O.N. Trubachev / ed. and Preface B.A. Larin. 2nd ed.], Moscow, Progress Publ., 1986, 576 p. [in Russian].

Gavlik 1985 - *Gavlik G.* Gosudarstvo i derzhava moravan (K voprosu o meste Velikoy Moravii v politicheskom i sotsial'nom razvitii Evropy) [The state and the power Moravan (To the question about the location of great Moravia in the political and social development of Europe)], in: *Velikaya Moraviya, ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie* [Great Moravia, its historical and cultural significance], Moscow, Nauka Publ., 1985 [in Russian].

Golubovskiy 1881 - *Golubovskiy P.I.* Istoriya Severskoy Zemli do poloviny XIV stoletiya [History of the Severskaya Land until the middle of the 14th century], Kiev, Universitetskaya tip-ya I.I. Zavadskogo Publ., 1881, 209 p. [in Russian].

Grekov 1949 - *Grekov B.D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus], Moscow: Uchpedgiz Publ., 1949, 509 p. [in Russian].

Grigor'ev 2005 - *Grigor'ev A.V.* Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I — nachale II tys. n.e. [The Slavic population of the watershed of the Oka and the don at the end of I – beginning of II Millennium BC], Tula, Reproniks Publ., 2005, 207 p. [in Russian].

Grigor'ev 2011 - *Grigor'ev A.V.* Torgovyy put' po reke Don v IX v. [The trade route along the don river in the IX century], in: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. XXIII chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto. Materialy konferentsii* [Eastern Europe in antiquity and the middle ages. Early European and Asian States: problems of political Genesis. XXIII the memory member.-cor. USSR Academy of Sciences V.T. Pachuto. Conference proceedings], Moscow, 2011, pp. 67-71 [in Russian].

Grigor'ev 2012 - *Grigor'ev A.V.* O «vtoroy volne» slavyanskoy kolonizatsii [About the "second wave" of Slavic colonization], in: *Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the old Russian state], St. Petersburg, SOLO Publ., 2012, pp. 99-100 [in Russian].

Konovalova 1999 - *Konovalova I.G.* Pokhody russov na Kaspiy i russko-khazarskie otnosheniya [The campaigns of the Rus in the Caspian sea and the Russian-Khazar relations], in: *Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive* [Eastern Europe in historical perspective], Moscow, 1999, pp. 111-120 [in Russian].

Krasnoshchekova, Krasnitskiy 2006 - *Krasnoshchekova S.D., Krasnitskiy L.N.* Arkheologiya Orlovskoy oblasti [Archaeology of Orel region], in: *Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 5* [Notes about the local history. Vol. 5], Oryol, Veshnie vody Publ., 2006, 320 p. [in Russian].

Krenke 2014 - *Krenke N.A.* Drevnosti basseyna Moskovy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodnyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Antiquities of the Moscow river basin from the Neolithic to the middle ages: stages of cultural development, the formation of the producing economy and man-made landscape: dissertation summary in history sciences], Moscow, 2014, 51 p. [in Russian].

Kropotkin 1978 - *Kropotkin V.V.* O topografii kladov kuficheskikh monet IX v. v Vostochnoy Evrope [On the topography of hoards of Kufic coins of the IX century in Eastern Europe], in: *Drevnyaya Rus' i slavyane* [The Ancient Rus and the Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1978 [in Russian].

Lyapushkin 1947 - *Lyapushkin I.I.* O datirovke gorodishch romeno-borshevskoy kul'tury [About Dating of settlements of romeno-borshevsky culture], in: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1947, IX, pp. 121-136 [in Russian].

Lyubavskiy 2000 - *Lyubavskiy M.K.* Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiyey [Historical geography of Russia in connection with colonization], St. Petersburg, Lan' Publ., 2000, 304 p. [in Russian].

Massalitina 1994 - *Massalitina G.A.* Moshchinskaya kul'tura. avtoref. kand. ist. nauk [Moshchinskii culture. Dissertation summary in history sciences], Moscow, 1994, 17 p. [in Russian].

Mayorov 2006 - *Mayorov A.V.* Velikaya Khorvatiya: etnogenez i rannyya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona [Great Croatia: the ethnogenesis and the early history of the Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, Publishing house St. Petersburg university, 2006, 209 p. [in Russian].

Mayorov 2013 - *Mayorov A.A.* Istoriya orlovskaya. Slavyanskaya istoriya s drevnikh vremen do kontsa XVII veka. Izd. vtoroe [The story of Oryol region. Slavic history from ancient times to the late seventeenth century. Ed. second], Oryol, Kartush Publ., 2013, 376 p. [in Russian].

Mayorov 2015 - *Mayorov A.A.* Prizvanie Vyatko (k voprosu o sozdaniy vyatichskogo plemennogo soyuza) [Calling Vyatko (to the question about creating vyatichi tribal Alliance)], in: *Vestnik Bryanskogo gos. Universiteta. Pedagogika. Psikhologiya. Istoriya. Pravo. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Ekonomika. Tochnye i estestvennye nauki* [Bulletin of Bryansk University. Pedagogy. Psychology. History. Right. Literary study. Linguistics. Economy. Exact and natural Sciences], 2015, № 3 (26), pp. 101-104 [in Russian].

Mayorov 2016a - *Mayorov A.A.* K voprosu ob assimilyatsii vyatichami nositeley moshchinskoy kul'tury na territorii Verkhovskoy istoriko-geograficheskoy provintsii v VII-VIII vekakh [The question of assimilation Vyatichi media moshenskoy culture on the territory verhovskoy historical-geographical province in the VII-VIII centuries], in: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyy zhurnal* [Scientific notes of Oryol state University. Scientific journal], 2016, № 3 (72), pp. 55-62 [in Russian].

Mayorov 2016b - *Mayorov A.A.* Migratsionnye protsessy v Verkhovskom (Verkhneokskom) regione v VIII-XII vv. [Migration processes in verkhivs'ke (Verhnekam) the region in the VIII-XII centuries], in: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma state University], 2016, pp. 8-13 [in Russian].

Mel'nikova 2009 - *Mel'nikova E.A.* Baltiyskaya sistema kommunikatsiy v I tysyacheletii n.e. [Baltic communication system in the first Millennium BC], in: *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2009. Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Ancient States of East Europe. 2009. Transcontinental and local ways as a socio-cultural phenomenon], Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 43-57 [in Russian].

Mongayt 1961 - *Mongayt A.L.* Ryazanskaya zemlya [Ryazan land], Moscow, Publishing house AN SSSR, 1961, 400 p. [in Russian].

Nazarenko 2001 - *Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX-XII vv. [Ancient Russia on international routes: Interdisciplinary essays on cultural, trade and political ties IX-XII centuries], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Nazarenko 2009 - *Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' i slavyane. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2007 [Ancient Russia and Slavs. The most ancient states of Eastern Europe. 2007]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009, 528 p. [in Russian].

Nedoshivina 1976 - *Nedoshivina N.G.* O religioznykh predstavleniyakh vyatichey XI-XIII vv. [On the religious ideas of the Vyatichi of the XI-XIII centuries], in: *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 49-52 [in Russian].

Nikol'skaya 1981 - *Nikol'skaya T.N.* Zemlya vyatichey. K istorii naseleniya basseyna verkhney i sredney Oki v IX-XIII vv. [The land of the Vyatichi. To the history of the population of the upper and middle Oka basin in IX-XIII centuries], Moscow, Nauka, 1981, 296 p. [in Russian].

Nikol'skaya 1987 - *Nikol'skaya T.N.* Gorodishche Slobodka XII-XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle vyatichey [Settlement of XII-XIII centuries To the history of ancient urban planning in the Land Vyatichi], Moscow, Nauka Publ., 1987, 184 p. [in Russian].

Novosel'tsev 1990 - *Novosel'tsev A.P.* Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Novosel'tsev 2000 - *Novosel'tsev A.P.* Arabskie istochniki ob obshchestvennom stroe vostochnykh slavyan IX – pervoy poloviny X v. (polyud'e) [Arab sources about the social system of the Eastern Slavs in IX – first half of X century (polyuddya)], in: *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1998* [Ancient States of East Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 399-403 [in Russian].

Pouchenie 1969 - *Pouchenie Vladimira Monomakha* [Teaching Vladimir Monomakh], in: *Izbornik (sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi)*. Sost. i red. L.A. Dmitrieva i D.S. Likhachev [Izbornik (collection of works of literature of Ancient Russia). Comp. and edited by L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev], Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, 800 p. [in Russian].

Proshkin 2001 - *Proshkin O.L.* Osvoenie territorii Verkhnego Pooch'ya v drevnerusskiy period. Diss... na soisk. uch.st.kand.ist. nauk [Conquest and development of the Upper Oka in the Old Russian era. Dissertation summary in history sciences], Moscow, 2001, 374 p. [in Russian].

PSRL I - *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1. Lavrent'evskaya i Troitskaya letopisi* [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Laurentian and Trinity Chronicles], St. Petersburg, Printing house E. Pratsa Publ., 1846, 285 p. [in Russian].

PSRL II - *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2. Ipat'evskaya letopis'* [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev chronicle], St. Petersburg, Printing house M.A. Aleksandrova Publ., 1908, 574 p. [in Russian].

Ratkosh 1985 - *Ratkosh P.* Velikaya Moraviya – territoriya i obshchestvo [Great Moravia-territory and society], in: *Velikaya Moraviya, ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie* [Great Moravia, its historical and cultural significance], Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 81-95 [in Russian].

Rier 2006 - *Rier Ya.G.* Istoricheskaya demografiya: uchebnoe posobie. 2-oe izd. dop. [Historical demography: textbook. 2nd ed.], Mogilev, MGU im. A.A. Kuleshova Publ., 2006, 160 p. [in Russian].

Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vekov [Kievan Rus and the Russian principalities XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 599 p. [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Osvoenie slavyanami Vostochnoevropeyskoy ravniny [The development of the Slavs of the East European plain], in: *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya. 2-e izd.* [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history. 2nd ed.], Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2002, pp. 153-159 [in Russian].

Semenchenko 1989 - *Semenchenko G.V.* Drevneyshie redaktsii zhitiya Leontiya Rostovskogo [The oldest edition of the life of Leontius of Rostov], in: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 42* [Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 42], Leningrad, Publishing house AN SSSR, 1989, pp. 241-254 [in Russian].

Russian].

Shakhmatov 1907 - *Shakhmatov A.A.* Yuzhnye poseleniya Vyatichey [The southern settlements of Vyatichi], in: *Izvestiya Imperatorskoy Akademii Nauk. VI seriya. T. 1. Vypusk 16* [Information proceedings of the Imperial Academy of Sciences. Series VI. Vol. 1, issue 16], St. Petersburg, 1907, pp. 715-729 [in Russian].

Shakhmatov 1919 - *Shakhmatov A.A.* Drevneyshie sud'by russkogo plemeni [The oldest destinies of the Russian tribe], Petrograd, 2 gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1919, 64 p. [in Russian].

Shchapov 1989 - *Shchapov Ya.N.* Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi [The state and the Church of Ancient Rus], Moscow, Nauka, 1989, 233 p. [in Russian].

Shinakov 1989 - *Shinakov E.A.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt. 2-e izd. [The formation of the old Russian state: comparative-historical aspect. 2nd ed.], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009, 477 p. [in Russian].

Skazaniya o nachale Cheshskogo gosudarstva v drevnerusskoy pis'mennosti [Tales of the beginning of the Czech state in ancient Russian writing], Moscow, Nauka Publ., 1970, 128 p. [in Russian].

Slavyanskies 1995 - *Slavyanskies drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod red. N.I. Tolstogo. T. 1* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, ed. And.Tolstoy. Vol. 1], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, 584 p. [in Russian].

Slavyanskies 2004 - *Slavyanskies drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod red. N.I. Tolstogo. T. 3* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, ed. And.Tolstoy. Vol. 3], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, 704 p. [in Russian].

Slavyanskies 2004 - *Slavyanskies drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod red. N.I. Tolstogo. T. 3* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, ed. And.Tolstoy. Vol. 3], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, 656 p. [in Russian].

Smilenko 1989 - *Smilenko A.T.* K izucheniyu lokal'nykh osobennostey kul'tury soyuzov vostochnoslavianskikh plemen VIII-X vv. [To study local features of culture of unions of East Slavic tribes VIII-X centuries], in: *Drevnie slavyane i Kievskaya Rus* [Ancient Slavs and Kievan Rus], Kiev, Naukova Dumka Publ., 1989, pp. 105-114 [in Russian].

Solov'eva 1956 - *Solov'eva G.F.* Slavyanskies soyuzy plemen po arkheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.e. (vyatichi, radimichi, severiane) [Slavic tribal unions on the archaeological materials of the VIII-XIV centuries ad (Vyatichi, Radimichi northerners)], in: *Sovetskaya arkheologiya. XXV* [Soviet archeology. XXV], Moscow, Publishing house Akademii nauk SSSR, 1956, pp. 138-170 [in Russian].

Tatishchev 2003 - *Tatishchev V.N.* Istoriya Rossiyskaya v 3 t. T. 2 [The History of Russia. In 3 t. T. 2], Moscow: AST Publ., 2003, 732 p. [in Russian].

Timoshchuk 2015 - *Timoshchuk B.O.* Vostochnye slavyane v VII-X vv. – polyud'e, yazychestvo i nachalo gosudarstva [Eastern Slavs in VII-X centuries – polyuddya, paganism and the beginning of state], Lviv, 2015, 80 s. [in Russian].

Toporov 2000 - *Toporov V.N.* O baltiyskom sloe russkoy istorii [About the Baltic layer of Russian history], in: *Florilegium. K 60-letiyu B.N. Flori* [Florilegium. To the 60th anniversary of B.N. Flory], Moscow Yazyki russkoy slovesnosti Publ., 2000, pp. 349-411 [in Russian].

Tret'yakov 1953 - *Tret'yakov P.N.* Vostochnoslavianskie plemena [East Slavic tribes], Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953, 312 p. [in Russian].

Tret'yakov 1970 - *Tret'yakov P.N.* U istokov drevnerusskoy narodnosti [At the origins of the ancient Russian people], Leningrad, Nauka Publ., 1970, 160 p. [in Russian].

Vorontsov 2011 - *Vorontsov M.A.* K voprosu o pozdney date moshchinskoy kul'tury [The question of late date moshenskoy culture], in: *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. II* [Materials of III (XIX) Russian archaeological Congress. T. II], St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, 2011, pp. 14-15 [in Russian].

Voytovich 2006 - *Voytovich L.V.* Vostochnoe Prikarpat'e vo vtoroy polovine I tys. n.e.: Nachal'nye etapy formirovaniya gosudarstvennosti [The Eastern Carpathians during the second half of the first Millennium ad: the Initial stages of formation of the state], in: *ROSSICA ANTIQUA: Issledovaniya i materialy. 2006*

[ROSSICA ANTIQUA: Studies and materials. 2006], St. Petersburg: Publishing house St. Petersburg university, 2006, pp. 6-39 [in Russian].

Yanin 2009 - *Yanin V.L.* Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary systems of pre-Mongol Russia and essays on the history of the monetary system of medieval Novgorod], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 423 p. [in Russian].

Zagoskin 1910 - *Zagoskin N.P.* Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-petrovskoy Rossii [Russian waterways and the marine business in pre-Petrine Russia], Kazan, Printing house I.N. Kharitonova Publ., 1910, 506 p. [in Russian].

Zaytsev 1975 - *Zaytsev A.K.* Domagoshch i granitsy «Vyatichey» XII v. [Domagoshch and the border "Vyatichi" XIIth century], in: Istoricheskaya geografiya Rossii. XII – nachalo XX v. [Historical geography of Russia. XII – beginning of XX century], Moscow, Nauka, 1975. pp. 21-31 [in Russian].

Zaytsev 2009 - *Zaytsev A.K.* Chernigovskoe knyazhestvo X-XIII vv. [Chernihiv principality of the 10-13th centuries], Moscow, Kvadriga Publ., 2009, 237 p. [in Russian].

Zaytseva, Saracheva 2011 - *Zaytseva I.E., Saracheva T.G.* Yuvelirnoe delo «Zemli vyatichey» vtoroy poloviny XI-XIII v. [Jewelry case "the land of the Vyatichi" in the second half of the XI-XIII century], Moscow, Indrik Publ., 2011, 404 p. [in Russian].

Zhih 2017 - *Zhih M.I.* Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 12-63 [in Russian].

Майоров Анатолий Александрович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музейного дела Орловского государственного института культуры (Орёл, Россия).

Anatoly Mayorov – Candidate of historical sciences, Associate Professor of History and Museum business of the Oryol state institute of culture (Oryol, Russia).

E-mail: aamajorov@rambler.ru